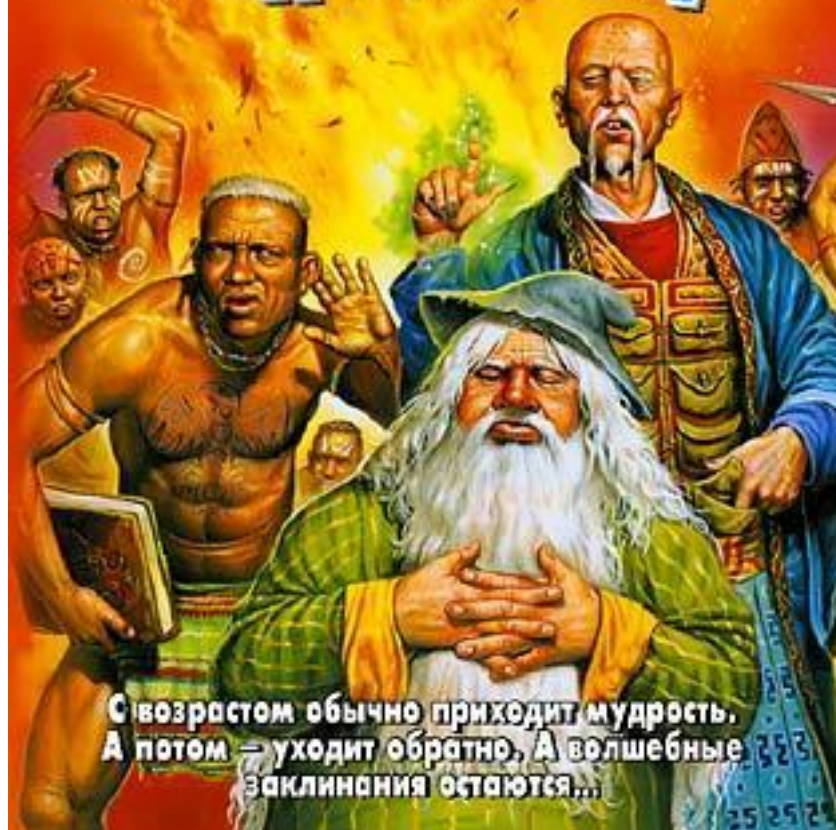

Александр Рудазов

Три мудреца в одном тазу

С возрастом обычно приходит мудрость.
А потом — уходит обратно. А волшебные
заклинания остаются...

Мудрецы

Александр Рудазов

Три мудреца в одном тазу

«Автор»

2005

Рудазов А. В.

Три мудреца в одном тазу / А. В. Рудазов — «Автор»,
2005 — (Мудрецы)

С возрастом обычно приходит и мудрость. А потом – уходит обратно. Но что есть настоящая мудрость для волшебника? Уметь добиться результата – любой ценой! Если нужно совершить подвиг – найди себе героя. Нету? Ну так сделай его из подручного материала! Лодка прохудилась? Починим! Не получается? Ну тогда вызовем себе новую... и пусть эти матросы не жалуются на произвол – они всего лишь бесплатное приложение к плавательному средству! Все равно жалуются? Превратим их в какую-нибудь гадость... только не всех, а то некому будет грести! Нет, для настоящего волшебника нет ничего невозможного. Правильное заклинание решит любую проблему. Вот только вспомнить бы его... как же там было... хррр-пс-пс-пс...

© Рудазов А. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	52
Глава 6	59
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Рудазов

Три мудреца в одном тазу

*Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ.*

Самуил Маршак

И явились в тот город трое волхвов из далеких земель, и пришли они к указанному месту, и свершили проскинезу, и преподнесли в дар золото, ладан и мирру. И самый старый и мудрый из волхвов рек благим голосом:

– Э-э-э... а кто-нибудь помнит, зачем мы сюда приперлись?

Утраченный эпизод

Пролог

- Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
- Чепуха! У ветра нет щек! Как может лопнуть то, чего нет?
- Это метафора. Ну, знаешь, говорят же, например: «пей, пока не лопнешь». Никто же не думает, что он и в самом деле лопнет?
- Кто «он»?
- Тот, кому говорят, само собой.
- Ну даже не знаю... Когда я говорю «пей, пока не лопнешь», человек обычно так и делает. Помнишь, в прошлый раз?
- Да, тогда все стены забрызгало...
- Хррр-пс... хррр-пс-пс...
- Он опять уснул. Разбуди его!
- А?! Что?! Кто уснул, я уснул?! Я просто устал и прикрыл глаза!
- Ты храпел.
- Неправда. Я не храпел.
- Храпел, храпел, мы слышали.
- Храпел, точно храпел. Вот этот «хррр...» – это что было, если не храп? Ты храпел.
- Это от задумчивости. Когда я углубляюсь в раздумья, то всегда издаю... всякие звуки.
- Да, но обычно они звучат по-другому – «скрип-скрип». Ну знаешь, как от ржавых шестеренок. А в этот раз был явный «хррр...». Ты спал и храпел во сне.
- Я никогда не храплю. Это все наговор!
- Ты храпел, следовательно ты спал. Эрго!
- Что?
- Ну это такое умное слово – означает, что я все убедительно доказал.
- Чепуха! Это слово значит совсем не это!
- А что же тогда?
- Э-э-э... не помню. А ты сам-то помнишь?
- Подзабыл. Но сейчас вспомню...
- Не вспомнишь, там страница вырвана.

- Где?
- В словаре, который ты листаешь. Думал, мы не заметим?
- Что-то меня знобит... Этот плед ужасно тонкий. А борода совсем не греет. Не вскипятить ли нам по кружечке чайку?
- Отличная идея! У кого сахар?
- Вот, у меня в кармане. М-дя уж, давненько я тут не убирался, столько мусора... Ну что, кипятим на счет «три»?
- Идет. Только не как в прошлый раз.
- Нет, как в прошлый раз нам совсем не нужно.
- Итак, раз... э-э-э... раз... э-э-э...
- Что такое?
- А какая цифра идет между разом и тремя?
- Ну, это просто! Сейчас вспомню... А на какую букву она начинается?
- Оставь ты эту цифру, давайте кипятить на счет «раз»!
- Отличная идея. Итак, раз!
- ...
- Ну и что это такое?
- Ну подумаешь, немного ошиблись, немного перепутали, с кем не бывает...
- Может, в книге ошибка? Помните, как в прошлый раз?
- А, это когда ты прочитал строчку задом наперед, и на нас сошла лавина?
- Нет... хотя этот случай тоже подходит. Все-таки, почему чайник не вскипел?
- Не знаю. Может, опечатка?
- Или мы что-то напутали?
- А еще интересно, почему рыбы всплывают кверху брюхом... о, чуete, ухой пахнет!
- Да, и вода за бортом кипит... Это ведь не мы?
- Да мы-то тут при чем? Мы чайник кипятили, а не море.
- Раз уж все так удачно сложилось, предлагаю просто налить в чайник воды из-за борта.
- Но она соленая. Чай с сахаром – это хорошо, а чай с солью – это на любителя.
- Я не любитель.
- Да оставь ты этот чай, лучше ушицы похлебаем! Когда мы последний раз ели уху?
- Э-э-э... а на какую букву она начинается?
- Да выкинь ты этот словарь!
- Отдай!
- Отпусти!
- Отдай сюда!
- А ну, прекратите, молокососы! Дайте мне!
- Сам ты молокосос! Дай сюда!
- Не отдам, мое!
- А ну, прекратите! Я вам сейчас!.. Вот вам!
- ...
- Ну и что это такое?
- Пробоина в днище.
- Днище? А что такое «днище»?
- То, на чем ты сидишь, старый идиот!
- Хм-м, странно, я-то всю жизнь думал, что это задница... век живи, век учись...
- Чему можно научиться всего за век?
- Не знаю, лично я ходить учился дольше... кстати, до сих пор плохо получается. Интересно, в чем тут секрет?
- Да это просто поговорка.

- Поговорка?.. Сейчас проверим... а где мой словарь?
- По-моему, утонул.
- Да нет же, вот он!
- Где?
- Да вот, у тебя в руке! Отдай!
- Хм-м, а мое днище промокло...
- Слушай, а у нас остались чистые пеленки?
- Нет, все извели. Этот старый идиот все время мочится под себя.
- Неправда, не все время! Только утром, вечером и еще иногда после обеда!
- Э-э-э... да я не про тебя, а про него.
- А, ну он-то почаше, да... Пьет много.
- Хм-м, а у меня и живот промок...
- Да ведь это лодка тонет!
- Тонет? Это как?
- Ну, вода входит через пробитое днище, а воздух уходит... на ее место. Скоро мы тоже утонем.
- Может, ее как-нибудь починить?
- А как чинят лодки?
- Лодка? Это что?
- Да, давайте сначала определимся, что есть лодка. Это фрукт, овощ, минерал или сумхотепель?
- Сумхотепель? Что такое «сумхотепель»?
- Не знаю. А разве есть такое слово?
- Это ты его только что произнес. Сам и скажи – есть ли такое слово?
- Хм-м, чайник утонул...
- Э-э-э... кто-нибудь помнит, что мы тут вообще делаем?
- Тонем, кажется. Лодка же прохудилась...
- Может, сделаем новую лодку?
- А мы сумеем? Разве для этого не нужно быть... ну, столяром, например...
- Я однажды разговаривал со столяром. Это считается?
- Думаю, считается. Ну что, на счет «три»?
- Э-э-э... а какая цифра...
- Нет, лучше на счет «раз». Итак, раз!
- ...
- Ну и что это такое?

Глава 1

Чертанов облокотился на фальшборт, глядя на солнце, медленно опускающееся в воду. Удушающая жара спала, воздух наполнился вечерней прохладой, а шеф наконец-то перестал потеть.

Петр Иванович Колобков, работодатель Сергея Чертанова, отличался внушительным телосложением. Но не в смысле роста и уж тем более не в смысле бицепсов. Он удивительно точно соответствовал своей фамилии – невысокий, лысый и круглый, как шар. Крохотные глазки и ушки, носик-пуговка, коротенькие ручки и ножки – колобок, да и только.

Сейчас он умиротворенно опорожнял третью кружку пива, любовался закатом и время от времени перелистывал страницу детектива, купленного в предыдущем порту. Сергей до сих пор удивлялся, как шеф умудряется читать книгу на португальском, не понимая ни единого слова.

– Серега, ты чего там скучаешь? – весело окликнул его начальник. – Ком цу мир, переведешь мне эту ботву! Пивка выпьем!

Сергей только тоскливо простонал. Он любил пиво, но на суше, не на море. Прекрасно знал, что стоит ему принять хоть чуть-чуть, и желудок немедленно взбунтуется – организм Сергея искренне не понимал, как можно сочетать алкоголь и качку. Даже такую ничтожную, как сейчас. Это шефу хорошо – у него желудок луженый, он с малолетства тренируется.

– Все пьете, Петр Иванович? – грозно нависла над блаженствующим шефом дама грендерского роста. – Пьете и пьете, пьете и пьете... Да на вас уже костюмов нет – вон пузень какую своим пивом растянули!

– Матильда Афанасьевна, какое го... счастье! – неискренне заулыбался шеф. – А мы-то уже, грешным делом, наде... боялись, что вас за борт унесло! Вот бы радо... трагедия была бы!

Матильда Афанасьевна Сбруева, в девичестве Штуцерман, была ночным кошмаром шефа. Да и Сергей старался держаться от этой старой мымры подальше. Ибо Матильда Афанасьевна была Тещей с большой буквы – самым воплощением этого ужасного слова. Пожилая мадам отличалась телосложением самки носорога, примерно таким же характером и небольшими, но достаточно заметными усами. Зятя она люто ненавидела, считала, что он испоганил всю жизнь ее единственной доченьки, и портила ему настроение всем, чем только могла.

А могла она очень многое.

– А ты что там стоишь?! – перевела внимание на Чертанова Матильда Афанасьевна. – Вы бы, Петр Иванович, приструнили секретаря-то своего, приструнили! А то я его сама приструню! Ишь, моду взял – пожилой женщине хамить!

– Это как? – живо заинтересовался шеф, ободряюще подмигивая Сергею.

– Да вот так! Я ему говорю – почини эти чертовы весы, а он, стервец, не хочет!

– Они правильно работают, Матильда Афанасьевна, – грустно развел руками Сергей.

– Да где же правильно, когда сто двадцать кило мне показывают! Врут в два раза!

Петр Иванович схватился за живот и дико заржал, пролив пиво на палубу. Матильда Афанасьевна начала густо краснеть. Но отнюдь не от стыда – этого чувства теща шефа не испытывала с самого рождения. От возмущения. Сергей же вновь облокотился на фальшборт, проклиная тот день, когда согласился на этот проклятый круиз.

А ведь все так замечательно начиналось!

Петр Колобков в молодости был простым крановщиком, хорошим комсомольцем (хотя материалы со стройплощадки подворовывал при каждом удобном случае) и примерным семьянином. Женился в 1986, в двадцать шесть лет, и с тех пор они с женой жили душа в душу (в смысле – до сих пор не развелись). Нажили четырех детей – двух дочерей и двух сыновей.

Ну а потом совершенно неожиданно для всех обрушился Советский Союз. Многие граждане коммунистической империи были погребены под его обломками. Однако многим другим это пошло только на пользу.

Среди них оказался и Колобков.

Бывший крановщик сумел вовремя подсуетиться где надо, урвать кусок пожирнее, неожиданно для всех проявил недюжинную деловую сметку, и в одночасье поднялся из крановщика до директора целой строительной конторы «Питерстрой». Название выбрал сам – одновременно и родной город упомянул, и самого себя.

И жил с тех пор просто припеваючи, с каждым годом только богатея. Подводных камней российского бизнеса избегал с везением настоящего Колобка – и от налоговой ушел, и от братвы увернулся, и конкуренты ничего с ним не сделали. Всегда умел вовремя подмазать кого надо, имел волосатую лапу во всех серьезных местах, и... в общем, удачливым человеком был Петр Иванович, на редкость удачливым. В жизни он придерживался трех основных принципов: «я начальник – ты дурак», «не подмажешь – не поедешь» и «денег много не бывает».

Ему хватало.

Само собой, до Березовского с Абрамовичем Колобков пока что не дотягивал. Где уж там! Однако авторитет вполне приличный, да и капиталец кругленький, как он сам.

Достаточно сказать, что сейчас все действующие лица находятся на борту его личной яхты, купленной всего пару месяцев назад.

Очень большая и дорогая крейсерская яхта класса «Альфа III», голландское производство. Сорок пять метров в длину, семь с половиной в ширину, триста двадцать семь тонн водоизмещения, стальной корпус с алюминиевыми надстройками, два дизельных двигателя, делает до пятнадцати узлов. Отличные условия – новейшая электроника, парабола и антенны для спутниковой навигации и связи, опреснительные установки, полное кондиционирование. Все удобства – вместо кают-компаний настоящий салон с коврами, баром и музыкальным центром, дубовые панели, мраморная отделка, а на перекидном мостике самый настоящий солярий с бассейном. Роскошные апартаменты для владельца и его семьи, и пять гостевых кают – четыре одноместных и одна большая, для особо почетных гостей. В общем, настоящая игрушка миллионера.

Название Колобков придумал сам – «Чайка».

Купив яхту, Петр Иванович тут же решил опробовать ее в деле. А поскольку он все привык делать с размахом, то сразу же отправился в настоящий круиз. Вспомнил детские мечты и решительно двинулся вокруг Европы – из Санкт-Петербурга в Сочи. И обязательно заглянуть в Рио-де-Жанейро – все равно по дороге (по географии у Колобкова всегда была двойка). Себя торжественно назначил капитаном судна, а в качестве экипажа нанял пару старых знакомых – Василия Васильевича Фабьева и Евлампия Петровича Угрюмченко.

Первый больше сорока лет прослужил на торговом корабле штурманом. Потом вышел в отставку, но на суше усидеть так и не смог – тосковал по соленым брызгам и качающейся палубе. Старый морской волк с восторгом ухватился за предложенную должность, выгладил любимый китель, вдрызг разругался с дочерью, не желавшей отпускать беспокойного папашу, и гордо поднялся в ходовую рубку.

Ясное дело, сам Колобков капитаном только числился – до этого дня он и за границу-то выезжал всего один раз – пару лет назад летал в то самое Рио-де-Жанейро. Весь в делах, весь в работе... Зато теперь решил оторваться за все упущенные годы.

Второго члена экипажа все сразу начали называть попросту Петровичем. Пожилой механик был таким же опытным моряком, что и Фабьев, только служил отнюдь не на море, а под ним. То есть – на подводной лодке. Такой же отставник, как Василий Васильевич, Угрюмченко точно так же не мыслил жизни без океана. И еще без бутылки – но в работе ему это не мешало.

На этом команда яхты заканчивалась. Но большего «Чайке» и не требовалось – сверхсовременное судно вполне могло обойтись и одним-единственным человеком. Зато пассажиров на борту набралось несколько побольше – одиннадцать. Хотя при желании на огромную «Альфу III» можно впихнуть человек сто, а то и сто пятьдесят – если немного потесниться. Так что всего-навсего тринадцати обитателям тут было очень просторно.

В первую очередь, семья Колобкова. Как хороший семьянин, Петр Иванович не мог допустить, чтобы родные скучали, пока он развлекается. Поэтому взял с собой всех – жену и четверых детей. А еще тещу... хотя вот тут он отбивался руками и ногами, не желая портить отдых присутствием этой гарпии. Увы, жена настоящая. С супругой Колобков никогда не спорил.

Единственное, что он сделал, так это прихватил еще четырех человек в качестве «противовеса». Гюнтера Грюнлау – своего немецкого партнера по бизнесу, Гену с Валерой – телохранителей, и Сергея Витальевича Чертанова. Как он заявил, меньшее количество Матильду Афанасьевну не уравновесит.

Сергей сначала обрадовался, когда ему предложили отправиться в морской круиз на халаву, да еще получить на все это время оплаченный отпуск. Потом до него дошло, что отдых в такой компании будет похуже любой работы, и он попытался отвертеться. Колобков нехорошо сощурился, осведомился, не брезгует ли подчиненный обществом начальника, и мягко намекнул, что отказываться лучше не стоит. Пришлось соглашаться.

Вообще-то, сначала Петр Иванович хотел взять секретаршу. Но потом все-таки сообразил, что если жена хотя бы увидит Людочку, то он впервые в жизни обрадуется отсутствию волос. И Сергей его прекрасно понимал – Люда была, возможно, худшим секретарем из всех, кого он знал (даже глухой сторож дядя Митя справился бы лучше), но зато ее фото охотно напечатали бы на обложке «Playboy».

Поэтому Колобков и прихватил Серегу – он уже успел сообщить жене, что с ним едут секретарь, телохранители и немецкий корифей. Чтобы Сергей не проболтался, ему были выданы хорошая премия и строгое предупреждение.

Сергей и на самом деле работал на Петра Ивановича. Только не секретарем, а системным администратором. Следил, чтобы все компьютеры и смежная техника работали без сучка, без задоринки.

Это место ему подкузьмил Володька – старый однокашник, который был сисадмином у Колобкова прежде. Расхваливал он его очень долго – мол, платят щедро, начальник – золото, а работа легкая-прелегкая. Сиди себе, да в потолок плюй – компы работают сами, юзеры все далеко продвинутые, глупостей почти не делают. В общем, рай, а не должность.

Сергей подозрительно спросил, чего же он тогда оттуда увольняется, если там так замечательно. Владимир искренне обиделся на старого товарища и ответил, что всю жизнь бы работал на Петра Ивановича да вот, оказия такая, переезжает в Кишинев – молдаване предложили другую работу, еще лучше. Сергей взглянул в его честные глаза и поверил.

Зря.

Володька не соврал только насчет щедрости начальника. Платил тот, действительно, не скупясь. Но вот насчет легкости... тут он не просто приукрасил, а нагло подставил однокашника. Контора Колобкова оказалась настоящим лесом – что ни служащий, то дуб. Девяносто процентов работников пользоваться компьютером не умели совершенно, а еще девять – тоже не умели, но были абсолютно уверены, что умеют. Более-менее продвинутых юзеров обнаружилось всего два – глухой сторож дядя Митя и Веня из котельной. Остальные – самые натуральные ламеры.

Большинство сотрудников совершенно серьезно считали Сергея (да и всех его предшественников) тунейдцем. Мол, совершенно непонятно, за что ему деньги платят – даже не может сделать так, чтобы компьютеры не ломались! А ведь одни только основные операции по под-

держанию сети занимали у него добрую половину рабочего дня – в конторе всегда была гора разнообразного электронного барахла.

Каковы основные обязанности сисадмина? Проверка логов сервера и программ, заведение и удаление аккаунтов, мониторинг загрузки сети, поддержание рабочих станций в рабочем состоянии, ответы на дурацкие вопросы, нажатие на «reset» в случае зависания, переключение кодировки на письмах, отписывание от рассылок, на которые все зачем-то подписываются, и еще много всякого.

На это уходило полдня.

На что уходят другие полдня? На выполнение различных просьб пользователей, как-то: поиск информации в Интернете, советы по покупке компьютеров и их комплектующих, обучение азам работы с Windows, Word, Интернетом и электронной почтой... На просмотр информации о новых утилитах, программах, патчах, вирусах, бонусах... На ремонтные работы вроде установки дополнительной сетевой розетки, смены сгоревшей звуковой карточки, чистки CD-ROM и шариковых мышек, восстановления «помявшейся» дискеты с важным отчетом, изъятия зажеванной бумаги из принтеров и ксероксов...

А ведь это еще далеко не все дела сисадмина. Ведь кроме этого надо скачивать, протестировать и установить новые драйвера и утилиты; написать для них скрипты использования в автоматическом режиме; обновить антивирусы; дописать наконец-то базу для бухгалтерии; разобраться, почему на секретарской машине глючит «Excel»; поставить боссу новые обои с Анной Курниковой в неглиже и сделать еще кучу всего.

А помимо рабочего дня есть еще и рабочая ночь! То есть такие работы, которые можно выполнять только ночью или по выходным, когда никто не работает. Это, как правило, те действия с сервером, что требуют остановки сети. Например, дефрагментация дисков, установка новых компонентов и драйверов, сжатие баз и все в таком роде. Некоторые процессы на рабочих станциях также требуют изрядного времени и, соответственно, их тоже приходится делать ночью...

Именно потому, что дел так много, у всех и создается впечатление, что сисадмин вроде ничем и не занят – большинство работ занимают считанные минуты, и кажется, что все сделалось само собой, а мастер так, рядышком постоял, да сигарету стрельнул. И если сисадмин работает хорошо, то его работа не видна и как будто даже и не нужна. И это действительно так. Если сеть работает и не виснет, сотрудники не жалуются, документы не пропадают и компьютеры не ломаются, то начальство тут же озабочивается тем, чем бы таким занять сисадмина, чтобы не платить ему деньги за тунеядство.

Особенно сильно доставали пользователи. Стандартный юзер – это заклятый враг сисадмина. Сергей не сидел спокойно никогда – ему просто не давали. Вообще никогда. Во время перерыва на обед он скрывался в котельной у Веньки – чтобы хотя бы перекусить в тишине. В остальное время его поминутно донимали с вопросами типа «на какую кнопку нажать, чтобы компьютер починился». Он буквально рыдал от непроходимой тупости этих горе-работничков.

Самым болезненным местом были тетki из бухгалтерии. Там служили исключительно женщины, причем они четко делились на две группы. Заслуженные работницы пенсионного возраста, трудившиеся в этом здании еще при Брежневe, и молодые девахи, совсем недавно окончившие институт (или какие-нибудь курсы).

Первые боялись компьютеров, как огня, относились к ним с врожденным недоверием и ностальгически вздыхали по таким простым и понятным счетам. Во всех своих ошибках они винили проклятую технику, не желающую им подчиняться, и Сергея, специально над ними издевающегося (по их мнению).

Бабульки то и дело катали на несчастного сисадмина кляузы начальству, требуя его уволить. К счастью, Петр Иванович не обращал на эти писульки внимания – тетki в свое время

точно так же жаловались и на Володьку, да и на всех прочих сисадминов, перебивавших в этой фирме (они, как выяснилось, сменялись в «Питерстрое» чуть ли не каждый год).

Вторые же компьютеров не боялись. Они перед ними благоговели. Сергей давно отчаялся понять, как эти девчонки умудрились получить свои дипломы – они не разбирались в самых простейших вещах. Очередное «ой, Сережа, компьютер опять сломался!» почти всегда оказывалось случайно свернутым окном или попыткой загрузиться с дискетой в дисководе. По-английски все они говорили свободно... согласно рабочим резюме. Однако когда компьютер вежливо просил вытащить дискету и нажать любую кнопку, девчонки только бестолково пучили глаза и смущенно хихикали, замечая слово «abort».

К тому же все молодые (и не очень) бухгалтерши и секретарши отчаянно хотели замуж. Неважно за кого, лишь бы муж был не слишком пьющий, нормально зарабатывал... ну и не совсем уж урод, конечно. Сергей этим требованиям более или менее удовлетворял, а потому буквально осаждался осатаневшими девками, мечтающими о домашнем очаге.

А у него был твердый принцип – с коллегами по работе шашней не заводить. Однажды он на этом крепко обжегся, и с тех пор перестраховывался. И жениться Сергей не торопился, вполне резонно рассуждая, что это он еще успеет, и вообще – от добра добра не ищут.

В конце концов, ему даже тридцати еще нет – куда спешить?

Здесь, в круизе, Чертанову опять-таки приходилось заниматься своей основной профессией – настройкой компьютера. Петр Иванович прихватил с собой целых два могучих агрегата с кучей наворотов: один детям – в игрушки играть, и один себе – работать. Если, конечно, преферанс можно назвать работой.

Сергей пару раз пытался обучить начальника более навороченным играм – «Quake» хотя бы. Тот некоторое время с интересом наблюдал, как морской пехотинец палит из гранатомета по электрическим мишкам, а потом решительно заявил, что для него это слишком замудренно. И снова уселся за преферанс.

Причем играл он в старую-престарую модель – дремучего восемьдесят восьмого года. Все прочие варианты точно так же объявлялись чересчур замудренными. Сергей давно отчаялся понять, зачем для этой антикварной игрушки нужны четвертый пень, две тысячи метров оперативки, огромные колонки и проигрыватель DVD. Единственный звук, который она иногда издавала, выводился через спикер системного блока. А кроме нее на винте присутствовал только «Word» и коллекция анекдотов, которую Сергей скачал шефу в прошлом месяце.

Тот до сих пор не научился ее запускать.

Но у шефа по крайней мере все работало стабильно (хотя чему там ломаться, спрашивается?). А вот его детишки... да, с ними хлопот было побольше. Колобковых-младших насчитывалось четыре штуки – Светлана семнадцати лет, Вадим и Евгений пятнадцати (близнецы) и одиннадцатилетняя Ольга.

Они постоянно дрались за место у своего компьютера (к отцовскому их не подпускали) и загружали его играми под завязку, причем использовали исключительно пиратские копии, хотя отсутствием денежных средств семья отнюдь не страдала. Сергею то и дело приходилось пылесосить винчестер – незамутненные подростковые мозги искренне верили, что он безразмерный, и ужасно обижались, когда место заканчивалось. Сто пятьдесят гигабайт – это, конечно, довольно много, но учитывая размеры и количество современных игр... в общем, надолго этого не хватало.

Плюс еще и вкусы у всех четверых были разные. Света отдавала предпочтение красочным трехмерным квестам вроде «Атлантиды», Оля играла только в «Sims» и аркады про Гарри Поттера, Вадик резался в стрелялки, а Женя обожал стратегии. И все они почему-то считали, что сисадмин просто обязан разбираться в компьютерных играх.

Сергей замучился твердить им, что он тоже не прочь иногда угнать пару машин в «GTA» или повоевать с клисанами в «Рейнджерах», но это совсем не значит, что он знает наизусть все

коды и секреты во всех геймах без исключения. Когда Света будила его среди ночи и невинным голосом спрашивала, на сколько оборотов повернуть хрустальное колесо, чтобы открылась дверь на третьем этаже дворца фараона, ему хотелось выпрыгнуть за борт.

Конечно, за одни только компьютерные знания Чертанова в круиз бы не взяли – мало ли в фирме сотрудников? Колобкова привлекли феноменальные языковые способности Сергея. Если бы он мог представить свою жизнь без компьютеров, то обязательно бы стал переводчиком. Ибо владел пятью языками (не считая русского) – английским, немецким, французским, испанским и португальским. Не то чтобы в совершенстве (скорее даже наоборот), но тем не менее.

Такой член экипажа в плавании всегда пригодится. Сам-то Колобков кроме русского знал только несколько немецких слов, подхваченных у Грюнлау (и вставлял их по поводу и без повода).

– Серега, ты о чем там задумался? – окликнул его шеф, вытирая пенные усы. – Морская болезнь, что ли? Дуй сюда, в преф срежемся! Гюнтер, ком цу мир, битте!

– О, марьяж! – потер руки Грюнлау. – Это есть хорошо, эта игра развивать логический мышлений!

Сергей неохотно уселся напротив и снял колоду, нетерпеливо протянутую Колобковым. Еще одна причина, по которой его взяли в круиз – нужен был третий для преферанса. В семье у шефа никто не играл, Гена с Валерой так и не смогли осилить ничего сложнее «дурачка», а штурман с механиком не любили карт. Зато вот Грюнлау готов был играть днем и ночью, утром и вечером, летом и зимой.

Гюнтер Грюнлау уже много лет был лучшим другом Колобкова. Удивительная общность характеров – все, что нравилось одному, нравилось и другому. Пиво, колбаса, баня, карты... впрочем, это много кому нравится. Но Грюнлау даже внешне выглядел копией своего русского друга – такой же маленький, кругленький, розовощекий. Только волосы, хоть и редкие, все-таки присутствуют на законном месте, а под носом усы – жиденькие, черненькие, почти как у Гитлера.

– Раз! – гордо заявил шеф, посмотрев карты.

– Пас.

– Пас.

– Ага-а, шесть пик, «Сталинград»... – осклабился Колобков. – Держись, Германия, Жуков близко!

– О, ваш маршал Жюкофф никогда не одолеть великий Германия, если бы фюрер быть чуточка умней! – пренебрежительно фыркнул Грюнлау.

Эти двое постоянно подкалывали друг друга на военную тему. Разумеется, всерьез они это не воспринимали – все-таки Вторая Мировая давно стала историей.

– Фюрер не должен быть атаковал Россия, пока Европа не встал на колен! – нравоучительно заметил Грюнлау. – Второй фронт погубить фатерлянд!

– Гы-гы, Гюнтер, учи историю! – хмыкнул Колобков. – Если бы твой Гитлер не атаковал Союз, Сталин сам бы на него напал! Слышал про операцию «Гроза»?

– Это есть всего лишь глупый болтовня! – отмахнулся Грюнлау. – Никакой «Кроза» не есть существовать, это все выдумка ваш глупый беллетрист Суворовф! Сталин не хотеть напасть на Германия, у нас быть пакт Молотофф-Риббентроп!

– Ну и что? Гитлер же нарушил? А Сталину что – нельзя? Да если б твой фюрер немножко повременил, мы бы ему так в спину ударили!..

– Петер, это не есть хорошо – бить в спина! Великий Германия никогда не бить в спина!

– А зря, – стукнул по столу сушеной воблой Колобков. – Мать моя, что за рыба такая... Зинульчик, ну что ты мне подсунула?! Почисть!

Супруга, читающая книжку в шезлонге, даже не почесалась. Зинаида Михайловна Колобкова, урожденная Сбруева, отнюдь не собиралась прерывать сеанс загара ради капризов муженька.

То, что солнце уже почти село, ее не волновало.

– Так вот, что я говорю-то, – выплюнул кусок чешуи Колобков. – Зря твой Гитлер так гнал. Потихоньку, полегоньку, и завоевал бы себе жирный кусок, и травиться бы не пришлось. А так кончил, как Наполеон – проглотил больше, чем в горло влезло, на Россию попер зачем-то... Нельзя на Россию нападать, понимаешь? Мы, русские, народ добрый и покладистый, но если уж нас рассердить!.. Клочков не оставим.

– Это есть верно, еще Бисмарк говорить... – сокрушенно закивал Грюнлау. – В Россия никогда не быть порядок, всегда есть беспорядок. Русише народ – хороший народ, только очень ленивый и безалаберный.

– Помалкивай, немчура... – беззлобно хмыкнул Колобков, утягивая к себе седьмую взятку. – Без одной вы батенька! Я же говорю – «Сталинград»! В Сталинграде немец обязательно проиграет!

Солнце все дальше уползало за горизонт. На виду остался лишь самый краешек, крохотная горбушка. Сергей специально уселся так, чтобы иметь возможность любоваться закатом. Он всегда был немножко эстетом.

А вот Колобков не испытывал никаких особенных симпатий к природным красотам. Ну в самом деле – на хлеб их не намажешь, в карман не положишь, так что с них проку? Вот погулять по лесу, подышать свежим воздухом, попить пивка на природе – это дело другое, это он любил. А бестолковое любование оставим поэтам и экзальтированным барышням.

Другое дело – Грюнлау. Немец относился к подобным чудесам очень хозяйственно. Каждый красивый закат он непременно фотографировал раз семь-восемь, а уже дома выбирал самый лучший кадр и делал слайд. За время круиза его крохотный аппаратик накопил уже несколько тысяч снимков – педантичный немец пользовался цифровиком и прихватил целую кучу дополнительных карточек памяти.

А любоваться он не любовался. Зачем? Зрелище уже сфотографировано, задача выполнена. Дома полюбуется, в положенное время. В его расписании дня именно так и было написано: «Четверг. 21.00–22.30 – просмотр слайдов». И каждый четверг Гюнтер Грюнлау включал проектор и начинал педантично разглядывать коллекцию красивых видов, собранную за многие годы.

– О, русише пирог! – обрадованно потер руки Грюнлау, отодвигая в стороны карты.

– Не пирог, а пельмени, рожа немецкая! – фыркнула Матильда Афанасьевна, с грохотом ставя в центре огромную миску с самолепными пельменями. – Кушайте, Петр Иванович, пользуйтесь моей добротой! Может, лопнете уже наконец!

– Матильда Афанасьевна, а вы, может, сдох... помолчите немножечко?! – возмутился Колобков. – Такая су... уважаемая пожилая женщина, что вы на меня так взъелись?! Я что, вашу кону... квартиру украл? Плывете на моей яхте, и так со мной разговариваете!

– А вас, Петр Иванович, будь моя воля, давно бы отправили в вытрезвитель! На принудительное лечение! Навечно! – уперла руки в бока теща. – Ничего, ничего, вот выберут Зюганова, он вам уже покажет, как с немцами пиво жрать и пельмени распивать!

– Мама! – прикрикнула на бабушку мадам Колобкова. – Ну что ты опять на Петю лаешься? Нет, правда, у тебя уже самой с психикой что-то!

– Родная дочь... – горестно закатила глаза Матильда Афанасьевна. – Э-эх...

– Ты, Гюнтер, на нее не обижайся, – заговорщицки зашептал Колобков, хитро поглядывая на тещу, ушедшую отчитывать дочь. – Ей коммунисты в башку пружину стальную вставили, вот и дурит.

– Да, коммунист быть плохой режим, – согласился Грюнлау. – После того, как есть умирать ваш Сталин, коммунист стать совсем плохой, никуда не годный.

– Да уж, лучше Сталина у нас царя не было... – вздохнул Колобков. – Умный мужик был, лучше всех свое дело знал... Гюнтер, а ты чего не ешь-то? Серега, ты тоже наворачивай! А то мне первому как-то боязно – мало ли чего Матильда туда насовала...

Сергей усмехнулся уголком рта. Порой он не мог понять, прикалывается шеф, или говорит всерьез. Но пельмень взял. А Грюнлау – сразу четыре.

– Во, дело другое, – тоже зачавкал Колобков. – Все за мой счет, пользуйтесь!

– Я все же настаивать внести своя часть, – потянулся за портмоне Грюнлау. Педантичный и честный немец не любил русского слова «халява», и предпочитал всегда оплачивать получаемые услуги. – Я настаивать, чтобы расход на этот круиз быть разделен поровну.

– Ни-ни-ни! – замахал руками Петр Иванович. – Ты что, Гюнтер, какие счета? Русский и немец – братья навек, имя одно на двоих – человек! Мы же вместе воевали! Мы с вами, а вы с нами!

– О да, совместный война есть объединять народы, – согласился Грюнлау, пряча портмоне обратно.

– Солнышко мое, ну почисть мне рыбку! – заныл Колобков, отчаявшись разорвать воблу самостоятельно.

– Сколько раз я тебя просила не называть меня солнышком? – сухо уточнила жена, сдвигая солнечные очки на переносицу. – Я не желтая, не горячая и не круглая.

– Рыбка? – предложил вариант Колобков.

– Я не мокрая, не холодная и без плавников.

– Птичка?

– Перьев нет, летать не умею, птенцов не высиживаю.

– Зайка?

– Уши у меня не длинные, морковь не люблю, в норе не живу.

– Пупсик?

– А это вообще маразм какой-то! – решительно отказалась Зинаида Михайловна. – Петя, такие выражения унижают достоинство женщины!

– И ничего не унижают, – не согласился Петр Иванович. – Зинульчик, это ж я люблю!

– Петя, Арлин Дэниэлс совершенно однозначно доказывает...

– Тьфу, начиталась всякой белиберды! – возмутился Колобков. – Они там в Штатах все сумасшедшие!

– А ты сам почитай! – протянула ему книгу в яркой обложке жена. – Вот, на, возьми! Тут доказывается, что мужчина и женщина должны быть **равными**! Понимаешь? Когда мужчина целует женщине руку, этим он ее унижает – дает понять, что она всего лишь женщина!

– Я не есть согласен, фрау Зинаида, – нерешительно вмешался Грюнлау. – Мне кажется, это есть совершенно наоборот.

– Да? А почему же тогда женщины мужчинам руки не целуют?

– А почему женщины не бреются? – хмыкнул Колобков. – Зинульчик, ну откуда ты этого набралась?

– Оттуда. Вот, возьми, сам почитай, поймешь.

– Да не читаю я по-английски! – предпринял слабую попытку сопротивления Петр Иванович. – Я к языкам неспособный!

– А плохо! Вот смотри – ты знал, что кардиологи лечат мужчин и женщин по-разному?

– О, разумеется! – оживился Грюнлау. Ему как раз два месяца назад сделали операцию на сердце. – Герр Бутенхофер рассказывать мне, как там все есть устроен! Корональный давлений...

– Он говорил, что мужчинам и женщинам эти операции делают по-разному? – недоверчиво спросила Колобкова.

– О да, говорить. У женщин несколько другой сердцебиений из-за месячный и другой отличий. А что, это есть плохо, фрау Зинаида?

– Но это же сексизм! – возмутилась та. – Почему не делать женщине такую же операцию, как мужчине?! Вот Арлин Дэниэлс тут насчет этого пишет...

– Фрау Зинаида, женщин можно сделать такой же операций, как мужчин, – поспешил перебить ее Грюнлау. – Только женщин от этого умрет.

Зинаида Михайловна Колобкова открыла рот... и так и замерла. Похоже, насчет этого в книге американского классика феминизма ничего не говорилось. Она прищурилась в сторону герра Грюнлау – заподозрила, что он это выдумал, чтобы у нее не нашлось контраргументов. Но поскольку совершенно не разбиралась в кардиологии, решила отложить спор, пока не доберется до медицинской энциклопедии и не перепроверит все лично.

Жена Петра Ивановича всегда старалась читать «полезные книги». Как только появлялась очередная макулатура, учащая чему-нибудь этакому, она начинала ее штудировать, свято веря, что раз напечатано, значит правда. Правильное питание, астрология, эзотерика, философские учения всех сортов, НЛО, загадки Атлантиды, Гипербореи и Шамбалы, макраме, исследования академика Фоменко – все это в свое время прочитывалось и благополучно забывалось. Последние несколько дней Зинаида Михайловна носилась с феминизмом и проповедовала идеи, почерпнутые из книжек чокнутых американских теток. В частности – Арлин Дэниэлс, самой чокнутой из всех.

Петр Иванович относился к чудачествам жены снисходительно. Его это никак не затрагивало (кроме того случая, когда любящая женушка пыталась лечить мужа втыканием иголок в пятки), денег на эти книжки уходило немного, так что он и не беспокоился. В конце концов, было бы гораздо хуже, если бы супруга избрала в качестве хобби коллекционирование мехов или ювелирных изделий.

– Рыба! – шваркнул по соседнему столику Петрович. – Все, робяты, ваши не пляшут!

Гена с Валерой понурились, подставляя лбы для щелбанов. Пожилой механик с удовольствием пробил каждому по пять фофанов и начал перемешивать костяшки по новой. Телохранители внимательно уставились на его руки, не забывая время от времени зыркать в сторону шефа – как там он, не требуется ли помощь?

Невысокий, но очень крепкий и крижистый Петрович на фоне этих двух шкафов совершенно исчезал из видимости. Гена и Валера (их отчеств и фамилий не помнил даже сам Колобков) отличались телосложением, которого хватило бы на четверых. А вот мозгов – только на одного.

Два здоровяка свое дело знали отлично, но во всем, что не касалось охраны шефа и сворачиванию челюстей тем, на кого тот укажет, были полными профанами. Постоянно ходили в черном и носили темные очки, из-за чего по ночам иногда врезались в стены. Огнестрельного оружия у них при себе не было (на время плавания Колобков конфисковал у них пистолеты и запер в личном сейфе), но они вполне обходились и кулаками. Гена в молодости был боксером-тяжеловесом, Валера имел черный пояс по дзюдо. Имея за спиной этих двоих, Петр Иванович чувствовал себя в безопасности даже в африканских джунглях.

– Петрович, как там с мотором? – для порядка поинтересовался Колобков.

Механик на пару секунд прикрыл глаза, прислушался к едва слышным звукам и удовлетворенно кивнул.

– Все тип-топ. Не волнуйся, Иваныч, у меня на этой скорлупке все схвачено.

– Ну и ладно, – пожал плечами Петр Иванович. – Раз.

– Пас.

– Два.

- Здесь два.
- Три.
- Здесь три.
- Четыре.
- Пас.

Сергей открыл прикуп и скривился – пришли десятка бубен и семерка червей. А ведь он подумывал о мизере, но не рискнул – очень уж опасно играть мизер с длинной мастью без семерки. И вот она – нужная семерка! Мизер был бы чистейший, абсолютно не ловящийся! Но черта с два, придется играть жалкие шесть червей – на семь взяток его карт уже не хватало.

– Ну что там у тебя, Серега? – ткнул вилок в пельмень Колобков, другой рукой почесывая пузо. – Матильда Афанасьевна, принесите нам еще пивка, будьте так ласковы!

– Была б моя воля, я б вас, Петр Иванович, мочой коровьей поила, а не пивом этим погатым! – донесся до него ответ любимой тещи.

– Вот су... суровая женщина! – крикнул Петр Иванович. – Светка!.. Оля!.. Вадик!.. Гешка!.. Кто-нибудь!.. У меня на этом корыте еще остались дети, или все утопили?!

– Петер, давай я принести, – предложил добрый Грюнлау.

– Или я, – привстал Сергей.

– Сидеть! – сурово насупил брови Колобков. – Найдем, кого послать!

Он посмотрел на жену, но тут же отвернулся. Петровичу он не доверял – по дороге выпьет половину. Старикану можно было вверить на хранение чемодан денег или любимую секретаршу Людочку – вернет в целости и сохранности. Но даже одну-единственную бутылочку дешевенького пива... проще уж за борт вылить. Оставались Гена с Валерой, но Колобков считал, что гонять телохранителей за пивом – это как-то несолидно.

– Папа, папа! – выбежала из каюты зареванная Оля. – Па-а-а-апапопапопаааа!!!

– Это что за звук сейчас был? – удивился Колобков. – Оленька, доченька, ты сказала «папа» или «попа»?

Оля на миг задумалась. Одиннадцать лет – не настолько большой возраст, чтобы решать такие сложные философские проблемы.

– Папа, – наконец сделала выбор она.

– Ну слава богу... А чего голосишь-то? Ну давай, скажи папе, папа сегодня добрый.

– Потому что пива набуляхался, – проворчала Матильда Афанасьевна.

– Хотя бы поэтому, – не стал спорить Петр Иванович.

– Папа! – возмущенно напомнила о себе дочка. И грохнула на стол здоровенную клетку. – Рика-а-а-ардо уу-у-уме-е-е-р!!!

Папа чуть не подавился пельменем, Гюнтер деликатно отхлебнул еще пива, оставив под носом шикарные пенные усищи, и наклонился к клетке, Сергей прекратил тасовать колоду. Рикардо действительно лежал в очень неестественной позе.

Рикардо – это хомячок. Снежно-белый сирийский хомячок, живший у Оли уже почти два года. Очень крупный, толстый и страшно кусачий. Оля всегда кормила его сама – к ее руке он привык, позволял брать себя на руки и даже иногда соизволял лизнуть в палец. А вот если его пытался погладить кто-нибудь другой, тут же вгрызался с яростью бешеной пантеры.

Отважный хомячок не боялся никого и ничего. Когда однажды в гости к Колобковым пришла двоюродная сестра отца со своей кошкой, тот так злобно таявбал на нее из-за прутьев, что бедная киса забилась под диван и сидела там до самого ухода. Она не привыкла к огромным белым мышам, лающим, как собака.

Но теперь Рикардо лежал неподвижно, уткнувшись хвостом в мисочку с водой, а носом – в тарелку с сухим кормом. Оля ревела навзрыд. Мама гладила ее по голове, неуверенно приговаривая что-то неразборчивое – Зинаида Михайловна совершенно не умела обращаться с

плачущими детьми. К ее чести надо сказать, что их дети плакали чрезвычайно редко – все четверо унаследовали от отца жизнерадостность и боевитость.

– Хуймяк... – задумчиво почесал лысину Колобков.

Он всегда произносил это слово именно так. А когда ему пеняли, что звучит уже как-то немножко не того, всегда с возмущением парировал: «Может, тогда и «застрахуй» не говорить, а?!»

– Ну ладно, ладно, утри глаза – помер и помер, что ж тут сделаешь? – попыталась утешить дочь Зинаида.

От этих слов Оля заревела еще громче.

– Купим мы тебе другую крысу, не расстраивайся! – сделала вторую попытку мама.

– Это хомя-я-я-як!!! – возмущенно зарыдала дочь.

– А я тебе предлагала собаку завести – они долго живут. Давай возьмем у тети Любы щеночка? У них как раз скоро Полкан кутят принесет.

Пуделиху тети Любы действительно звали Полканом – когда покупали, то не смогли разглядеть половые признаки под кудрявой шерстью, и в конце концов какой-то знаток сказал, что это мальчик. Через два года, когда «мальчик» принес щенков, ошибку поняли, но переименовывать не стали – слишком уж привыкли к имени. Да Полкан и сама привыкла – всегда откликалась, когда ее так называли.

Третья попытка тоже завершилась неудачно – Оля не слишком-то любила собак.

Отец семейства задумчиво почесал переносицу и сунул руку в клетку – вытащить усопшего. В следующую секунду раздалось сразу четыре оглушительных крика.

– Папа, папа, он живой, живой!!!

– А-а-а, [цензура], мой палец!!!

– Петя, не смей материться при детях!!!

Четвертым орал хомячок Рикардо. Громче всех. Он возмущался до глубины души – подумаешь, не дошел до спаленки, уснул прямо рядом с кормушкой! Обязательно надо тыкать в бок всякой гадостью!

Но про него все тут же забыли. Счастливая Оля схватила клетку и убежала в каюту – да побыстрее, пока обозлившийся папа не выкинул грызуна за борт. А остальные устроили консилиум вокруг приплясывающего и вопящего от боли Колобкова – озверевший Рикардо прокусил ему палец насквозь.

– Прямо сквозь кость!.. прямо сквозь кость!.. – орал Петр Иванович, брызгая на всех кровью. – Чертов хуймяк!!!

– Надо говорить «хомяк», папа! – вякнула Оля, еще не добежавшая до каюты. И едва успела увернуться – любящий папочка швырнул в нее тапок.

– Петя, убери руку, дай я посмотрю, Петя, убери руку, дай я посмотрю... ну Петя! – приговаривала жена, хлопоча вокруг мужа.

– Это вас бог наказал! – довольно хрюкнула Зинаида Афанасьевна. – Господь шельму метит!

– Надо прижечь ранка, этот крыс может быть ядовитый! – вмешался Грюнлау.

– Да не, надо просто водочкой сполоснуть, – сипло посоветовал Петрович. – Иваныч, давай я принесу, а? Где у тебя ключи от бара?

– Папа, ты чего скачешь? Сам же говорил – на палубе не скакать!

Это явились на шум близнецы. Вадик и Гешка – оба одинаково пухлые, широкоплечие, коренастые. Они крайне обрадовались развлечению и начали пихать отца в спину и живот, только усилив болезненные вопли.

– У? О? – задумчиво посмотрел на столпотворение Гена.

– Уяк, – согласно кивнул Валера.

Эти двое так давно работали в паре, что научились разговаривать одними междометиями. И отлично друг друга понимали.

– Эй, на баке! – крикнул из ходовой рубки Василий Васильевич. – Ветер уже в четыре балла, а тут еще вы штормите! Возьмите фордун, да выдерните его!

– Кого взять? – не понял Сергей.

– Веревку, мазут, веревку! Вон, от мачты к борту тянется! Отвяжите ее к чертям – зря болтается только! И выдергивайте!

– А кого выдергивать-то?

– Зуб! У Иваныча ведь зуб болит? – усомнился Фабьев.

– Нет, шкипер, палец! – крикнул Грюнлау. – Палец выдергивать?

– Выдергивай, выдергивай! – обрадовалась теща. – Чтоб не совал, куда не просят!

Сергей обратил внимание, что шеф уже не вопит. Оказалось, что пока они проводили «консилиум», явилась Света с аптечкой, смазала отцу прокушенное место йодом и туго перебинтовала.

– Вот, одна у меня дочка! – умилился Колобков, глядя на белую блямбу вместо пальца. – Помру, все наследство ей оставлю!

– Что?! А нам?! – возмущенно завопили дети мужского пола.

– А вам – дулю с маком! – прикрикнул на близнецов Петр Иванович. – Я вас еще за табеля не отлупил!

Вадик и Гешка закончили девятый класс крайне скверно – причем оценки у них оказались абсолютно одинаковыми. Они все делали вместе – иногда даже говорили хором. Пятерки по физкультуре и труду, четверка за гражданскую оборону и тройки за все остальное. Если бы круглая отличница Светочка, закончившая в этом году школу, тут же не подсунула свой красный аттестат в качестве успокоительного, с папой мог бы случиться инфаркт.

– Ща снаряжу вас к Петровичу – кочегарами! – пригрозил Колобков.

– Да на фуя мне кочегары на дизеле? – пожал плечами механик, снова берясь за костяшки. – Ты, Иваныч, мне лучше стопочку налей. А то у меня запасы уже того... насухо...

– Ну ты даешь, Петрович, – уважительно посмотрел на него Колобков. – Мы ж только вчера из Лиссабона вышли! Ты разве там не отоварился?

– Ну так надо же мне плавание обмыть как следует? – задал риторический вопрос Угрюмченко. – Я, может, последний раз в море вышел!

– А это уж от тебя зависит! – развел руками Петр Иванович. – Я, Петрович, теперь каждое лето так отдыхать буду – проявишь себя с хорошей стороны, и в следующий раз найму. Да и еще всякое там – рыбалка, то, се... Вон, к Гюнтеру в гости плавать будем.

– О, это вряд ли, Мюнхен по вода не доплыть! – рассмеялся немец. – Надо лететь самолет, или ехать поезд... Или автомобиль.

– Я с вами, Петр Иваныч, больше не поплыву! – решительно заявила Матильда Афанасьевна. – Так и знайте!

– Да что вы гав... говорите? – обрадовался зять. – Какое сча... огорчение! Василь Васильич, может, нам повернуть, пока еще не далеко, а? Высадим Матильду в Лиссабоне, а сами... и-эх!.. да без Матильды я хоть в кругосветку готов!

– О, круглосветное плавание? – заинтересовался Грюнлау. – Это быть весьма интересный приключений, я бы не отказаться от такой отпуск. Думай, Клаус справиться с дела и без меня – он есть хороший заместитель. Петер, ты серьезно говорить насчет круглосветный путешествий?

– Если только Матильду высадим, – хитро покосился на тещу Петр Иванович.

– Петя! – возмутилась Колобкова. – Никуда мы маму не высадим! Мама, ну успокойся, не плачь!

Матильда Афанасьевна недоуменно посмотрела на дочь. Плакать она даже не думала. Выдавить из нее слезу могло только одно средство – резаный лук. Ну, правда, еще она однажды всплакнула в детстве – во время просмотра «Чапаева»... но это было очень уж давно.

– Петр Иванович, я вам еще сегодня понадобится? – спросил Сергей, вставая из-за стола.

– Ты куда это, Серега, мы ж еще пулю не дописали! – возмутился шеф.

– Поздно уже – солнце почти зашло...

– А мы вот сейчас лампочку зажжем... Василь Василич, у тебя там как – порядок? Смену прислать?

– Да пора бы! – оживился штурман, уже клевавший носом.

Поскольку Фабьеву, как и любому другому, требовалось спать и есть, за штурвалом он стоял отнюдь не круглосуточно. За время плавания он успел обучить накаткам судовождения и Сергея, и супругов Колобковых, и Грюнлау, и старшую дочь Светлану, и даже тупоголовых Гену с Валерой. Обучал он просто: держать штурвал точно так, не отпускать, не отходить, смотреть на компас, и если хоть что-то будет не в порядке – срочно звать его, где бы он ни был.

Профессия рулевого все же не самая сложная в мире, а на «Чайке» все было устроено предельно просто – эта скорлупка не зря стоила бешеных деньжищ. Разумеется, имелась новейшая система спутниковой навигации, имелся и «авторулевой» – прибор, удерживающий судно на заданном курсе, учитывающий снос от течения, ветровой дрейф и еще кучу всего.

Но старый штурман в этом отношении отличался редкой негибкостью – все делал строго по уставу. А в уставе говорится, что руль пустым быть не имеет права – приборы приборами, но вахту кто-то нести должен! Фабьев и без того страдал, что не может организовать правильную вахтенную службу – попросту не хватало квалифицированных членов экипажа. Он сам, да Петрович – вот и все профессиональные моряки.

– Ладно, завтра допишем... – сладко потянулся Петр Иванович, бросая взгляд на листок, перечеркнутый крест-накрест. – Все, баиньки... Принимай смену, Василь Василич! А экватор скоро?

– Еще почти неделя, – ответил штурман, передавая руль Гене – сегодня была его очередь стоять ночную вахту. – Вахту сдал!

– Вахту принял! – пробасил телохранитель, занимая его место.

Вообще, по уставу рулевой не имеет права отойти от руля, прежде чем вахтенный помощник капитана (или сам капитан) подаст команду. Но поскольку «капитан» Колобков в этих правилах не разбирался, а его единственным помощником был все тот же Фабьев, обычный порядок пришлось изменить. Хотя старому штурману это очень не нравилось.

– Так держать! – приказал он, прикрывая глаза.

– На румбе тридцать градусов! – послушно отозвался Гена, бросив взгляд на компас. Это он уже выучил.

Разумеется, Фабьев спал прямо тут, в раскладном кресле, которое самолично поставил в первый же день. Он с крайним трепетом относился к вверенному судну, и наотрез отказывался ночевать в каюте. Мало ли что эти сухопутные крысы тут натворят без него? Первые дни плавания он вообще дремал только урывками – никому не доверяя.

– Спокойной ночи, Петр Иванович, – вежливо кивнул Сергей, задвигая дверь каюты.

Напротив прошипела дверь Грюнлау. Колобков предлагал корефану занять каюту для почетных гостей, но тот отказался – скромный немец привык и жить скромно. Так что это шикарное помещение ныне пустовало.

Валера деликатно пододвинул к двери хозяйских покоев складной стул и уселся на него. Он почти мгновенно заснул, но спал очень чутко, прислушиваясь сквозь сон – не крадется ли к шефу злобный киллер-аквалангист, подсланный неизвестными недоброжелателями? Уж он тогда узнает силу правой ноги его верного телохранителя!

Но никто не крался – ночь выдалась тихая и спокойная.

В роскошных апартаментах владельца яхты сначала было довольно шумно. Близнецы дрались подушками, Света на них кричала (одна из подушек была ее), Зинаида Михайловна тоже (ей принадлежала вторая). Оля совала папе под нос хомячка, убеждая, что Рикардо просит прощения за то, что прокусил ему палец. Колобков с сомнением смотрел на твякающего грызуна-альбиноса, явно намеревающегося продолжить кровавый банкет, и требовал вернуть зверя в клетку. Ну а Матильда Афанасьевна что-то невнятно гудела басом большого ледокола, одновременно доедая клубнику, которую зять и дочка специально приберегли для этой ночи – по вторникам и субботам они всегда... ели под одеялом фрукты.

Формально все это пространство тоже считалось каютой. Одной каютой. Хотя на деле было самой настоящей квартирой из нескольких комнат – Петр Иванович специально заплатил, чтобы все тут оформили под его привычное место обитания. Самая большая комната запиралась изнутри, и там ночевали счастливые супруги. Две комнаты поменьше занимали дети – в одной девочки, в другой мальчики. А самая маленькая – тещина. Хотя та все время ворчала. Колобков предлагал ей переселиться в другую каюту, отдельную, но одна мысль о том, чтобы оставить свою ненаглядную кровинку в полном распоряжении этого чудовища, приводила Матильду Афанасьевну в возмущение. Она и так страдала, что они от нее запираются.

Но потом все затихло. Над Атлантикой наступила ночь, и безоблачное небо украсилось звездными россыпями. Снизу ему отвечали судовые огни «Чайки» – красный по левому борту, зеленый по правому, белый сверху. Все спали (кроме Гены за штурвалом, Петровича, слушающего радио в машинном отделении, и близнецов, втихаря записывающих на диктофон бабушкин храп).

Гена широко зевнул и протер слипающиеся глаза. Открыв их снова, он затряс головой, чтобы сбросить сон, и отхлебнул черного кофе из фляжки. Потом неуверенно почесал в затылке – ему показалось, что снаружи что-то изменилось. Что-то такое... неопределенное. Вроде бы стало чуточку темнее, чем раньше. Как будто звезды заволочло тучами. Он немного подумал, а потом пожал плечами – его никогда не волновало, что там делается на небесах.

Разумеется, телохранитель Колобкова даже не подозревал, что судьба «Чайки» и всех ее обитателей только что совершила крутой поворот.

Глава 2

– Утро! Утро!

Сергей рефлексивно встал «в коробочку» – когда близнецы так вопили, это означало, что они носятся по коридорам, сшибая всех, кто попадает на пути. Кроме Гены с Валерой, конечно – в них они просто врезались. И Матильды Афанасьевны – та лишь самую малость уступала могучим телохранителям.

– Зубы почистил? – тут же объявилась вышеупомянутая.

– Так точно, Матильда Афанасьевна, – шутливо кивнул Сергей, покидая душевую. «Чайка» предоставляла своим пассажирам такой комфорт, какой не всегда встретишь даже на больших круизных лайнерах.

– Смотри у меня... – подозрительно прищурилась теща шефа. – И чтоб весы мне сегодня же починил, ясно?! А то скажу Петру Ивановичу, чтоб уволил тебя к чертовой матери!

Сергей подумал, что теперь уж точно не будет ничего делать с этими весами. Если эта усатая старуха исполнит свою угрозу, Колобков не уволит Сергея **никогда**. Более того – вполне реально получить прибавку. Ибо Петр Иванович скорее повесится, чем хоть в чем-то пойдет на поводу у любимой тещи.

– Иди жрать, тунеядец! – сумрачно посмотрела на него Матильда Афанасьевна. – Готовишь вам, готовишь, и никакой благодарности...

По крайней мере, один плюс у этой грозной дамы все-таки был – кашеварила она так, что все пальчики облизывали. Зинаида Михайловна даже отговорила мужа нанимать профессионального кока – мол, мама справится гораздо лучше. Все-таки мадам Сбруева большую часть жизни проработала поваром в столовой райкома.

В кают-компании Грюнлау и Света играли в шахматы, Колобков пил «Алкозельцер» и читал книгу (точнее, просто пялился на непонятные буквы – это был все тот же португальский детектив), Гешка и Вадик носились вокруг стола и швыряли друг в друга мандаринами, Валера скромно пил кофе, Петрович ковырялся со злополучными весами.

– Воздух охрененный! – высунулся в иллюминатор Вадик.

– Ага, кайф! Вон дядя Сережа как разоспался! – поддакнул Гешка.

– Тихо, дети, не шумите, потому что папа с бодуна... – вяло буркнул Колобков. – Серега, присаживайся...

Сергей машинально уселся за стол и взял булочку и кофе. Его не оставляло ощущение какой-то неправильности. Что-то вокруг было не так, но что именно – он никак не мог понять. Глаза почему-то болели и слезились, как будто прямо в них светили лампой дневного света. И, судя по красным векам остальных, схожие проблемы возникли у всех.

Правда, это постепенно начало проходить...

– Чего это у нас телевизор с утра ерунду всякую показывает?.. – задумчиво уставился в иллюминатор Петр Иванович. – Одни только волны...

– Матильда Афанасьевна, починил я ваш прибор, идите, пробуйте! – крикнул Петрович.

Грузная дама ввалилась в помещение, окинула всех суровым взглядом и встала на весы. И удовлетворенно кивнула:

– Ну вот, теперь правильно. Я же говорила, что сломаны, а мне тут вешают тень на плетень!..

– Наводят, – поднял голову Грюнлау.

– Че?

– В русский язык нет выражений «вешать тень на плетень». Надо говорить «наводят».

– Ну ты нас еще русскому языку поучи, немчура, – хмыкнула Матильда Афанасьевна. – А где Зиночка?

– В солярии с Олей, – ответила Света. – Мама загорает, а Оля в бассейне сидит.

– Ну чего ей надо? – простонал похмельный Петр Иванович, придерживая голову, чтобы не раскололась. – Атлантический океан, солнце, благодать, а она в солярии валяется! Говорил же я, надо было вместо него бильярдную устроить!

– О, это вряд ли бы получиться – бильярд в качка играть невозможно, – не согласился Гюнтер.

– Ну или еще чего-нибудь. Парилку, например... Покурить, что ли, пойти...

Колобков вышел, одной рукой зажигая папиросу, а другой отвешивая отеческий подзатыльник врезавшемуся в него Вадику.

– Здоров, Серый, – сунул ему мозолистую ладонь Петрович, усаживаясь рядом. – Что ж ты теще хозяйской весы не починил-то?

– Так они правда сломались? – поразился Сергей.

– Не-а. Я их просто на полста единиц назад перевел. Вот и получилась из тещи балерина. Ты вот, будем говорить, парень молодой, поджарый – ты на сколько тянешь?

– Где-то шестьдесят два... – задумался Чертанов.

– А теперь, значит, всего двенадцать. А я двадцать девять. Дистрофики мы с тобой, Серый, поправляться нам надо! – заржал Петрович, залпом опрокидывая стакан темно-красной жидкости. И скривился – это оказалось не вино, а всего лишь вишневый сок.

– Иваныч тут? – вошел в кают-компанию Фабьев.

– Покурить вышел. А что?

– Пошли в рубку. Там чертовщина какая-то творится. И его позовите.

Сергей насторожился. Выходит, не у него одного странные ощущения. Значит, что-то и в самом деле не в порядке. Они с Грюнлау и Угрюмченко бросили недоеденные завтраки и торопливо последовали за Фабьевым.

На первый взгляд, все было в полном порядке. Видимость, правда, плохая – все заволочло густым туманом. Но все остальное вроде бы в норме.

– Василь Василич, а ты чего двигатель заглушил? – вошел в рубку Колобков.

– Пока не разберусь, что здесь происходит, судно никуда не пойдет, – безапелляционно заявил штурман. – Иваныч, ты ничего странного не замечаешь?

– Да все вроде нормально... Утро только быстро как-то наступило. А так... А чего у тебя не в порядке?

– Компас отказал, – сжал губы Фабьев. Для него любая поломка на доверенном судне была как нож по сердцу. – Все вроде в порядке, а не работает. Сами смотрите.

Все посмотрели – стрелка даже не думала показывать на север. Вместо этого она медленно вращалась по кругу.

– А это гирокомпас или магнитный? – спросила умненькая Светочка. – Может, Гешка с Вадиком магнит подложили?

– Гиро. Но магнитный тоже отказал, – открыл коробку Фабьев.

Да, у магнитного компаса стрелка точно так же вращалась по кругу. Причем абсолютно синхронно с коллегой. Создавалось такое впечатление, что и географический, и магнитный полюса начали кружиться вокруг «Чайки». Или, наоборот, «Чайка»...

– А мы точно не движемся? – озвучил эту мысль Сергей. – Может, вертимся?

– Ну да! – отказался верить Колобков. – Море-то спокойное, ветра нет, волн нет! Чего это мы вдруг вертимся? Василь Василич, а мы сейчас где вообще?..

– Да черт его знает! – огрызнулся штурман. – Навигатор тоже отказал! Как будто все спутники в океан рухнули!

Угрюмченко, все это время копавшийся в сломавшихся приборах, озадаченно сморкнулся в платок и вспомнил:

– Иваныч, а у меня ночью радио заглохло! Слушал себе спокойно, и вдруг хоп! Я уж в нем ковырялся, ковырялся – ни хрена ни поймал! Только шипение и еще писк какой-то – как будто комары пищат. Вроде бы станция какая-то, только чего они там пищат-то?

– Я ж говорю – чертовщина творится... – пригорюнился Фабьев. – И на море пусто – во все стороны ни одного ориентира... Да и не видно в тумане ни черта... Что делать будем, Иваныч?

– Ну, тут с панталыку не решишь, тут покумекать надо... – задумался гигант мысли.

– Евлампий Петрович! – ворвалась в рубку Матильда Афанасьевна. Она единственная называла Угрюмченко по имени-отчеству – пожилой деловитый механик вызывал у нее симпатию. – Там в клозете свет сломался – выключить не могу! Я уже лампочку вывернула, а все равно светло! Почини, а?

– На судне галюн, а не клозет! – раздраженно буркнул Фабьев. Но его никто не слушал – все устремились посмотреть на новую загадку.

Да уж, выглядело это весьма странно. Свет в «комнате задумчивости», несомненно, отсутствовал. Довольно трудно что-либо освещать, когда в патроне отсутствует лампочка.

Но все равно было светло.

– Чертовщина какая-то! – снова выдвинул свое единственное объяснение случившемуся Фабьев.

Сергей задумчиво почесал нос и отправился в свою каюту. Занавесил иллюминатор и выключил все источники света. Но темноты так и не добился.

– Ну, Серега, ну, экспериментатор! – восхищенно покачал головой наблюдавший за этим Колобков. – Может, это здесь эффект такой природный? Вроде как белая ночь?

– Папа, ну какая может быть белая ночь в четырех стенах? – вздохнула Света.

Сергей продолжал опыты. Он выложил из шкафа все вещи, вынул полки и с трудом забрался туда сам. Близнецы заперли его снаружи и выжидающе уставились на дверь.

– Как там? – спросил Грюнлау.

– Тесно, но светло, – озадаченно ответил Чертанов. – Откройте.

Близнецы даже не сдвинулись. Папа приподнял верхнюю губу, показывая клыки, и только тогда Гешка с Вадиком выпустили бедного сисадмина.

– А если одеялом накрыться? – задумался Вадик.

Гешка тут же проверил – это тоже не помогло.

– А что, мне нравится! – задумался Колобков. – Это ж как на электричестве сэкономить можно!

– Так не бывает... – растерянно отняла руки от глаз Света. – Свет же не может быть сам по себе!

– Темноту украли! – обрадовался Гешка. – Просто полонез!

Раньше близнецы очень часто и много ругались матом. Матери это ужасно не нравилось, и она в конце концов сумела их переучить, предложив вместо обычных матюгов использовать какие-нибудь редкие и непонятные слова. Близнецы сначала воротили нос, но жестокие репрессии со стороны родителей постепенно все же привели к нужному результату.

А потом им это даже понравилось – учителя, слышащие, как Вадик с Гешкой орут что-нибудь вроде: «Ехидствуй отсюда, евангелист хрестоматийный!», начали взирать на близнецов с уважением. Такой богатый словарный запас! Конечно, они не знали, что близнецы просто попросили старшую сестру написать им на бумажке побольше сложных слов, а потом выучили их, даже не задумываясь о смысле произносимого.

– Пошли по остальным каютам, везде проверим! – предложил Колобков.

Сергей вместе со всеми не пошел – он уже понял, что темнота исчезла отовсюду. Но как такое может быть? Ведь Света права, свет не может существовать сам по себе – ему необходим источник. Чертанов почувствовал, что у него начинает опухать голова.

В довершение ко всему он обнаружил еще одну странность – на судне заглохли все телефоны. Разумеется, спутниковый ресивер также перестал работать.

– Мы посреди открытого океана, на корабле без связи... – пробормотал Сергей.

– Корабли бывают только военные и парусные, – строго поправил его стоящий неподалеку Фабьев. – А у нас **судно**. Понял, салага?

– Ясно, ясно... Василь Василич, так мы поплывем, или будем ждать неизвестно чего?

– Плавает дерьмо. А моряки ходят. Эх ты, мазут, ни черта не знаешь... Куда идти-то? В какую сторону?

– Ну, по солнцу сориентируемся... – поднял голову Сергей. И замер с раскрытым ртом.

Они с Фабьевым очень долго смотрели на небо. И у обоих одновременно стучалась в мозги одна и та же мысль: «Я сошел с ума».

– Что там? – спросил Угрюмченко, поднимаясь на полубак. Он отхлебнул из фляжки, тоже посмотрел на небо, протер глаза и спросил: – Кэп, это у меня одного глюки, или вы тоже самое видите?

– Видим... – неживым голосом ответил Сергей. – Точнее, не видим...

– Где солнце, ядер батон?! – возмутился штурман. – Да что за чертовщина такая?! Петрович, я сорок лет в море, всякого видел, но чтоб днем на ясном небе солнца не было?!!

– А может, сейчас ночь?... – предположил Чертанов. – Может, это... э-э-э... ну, комета какая-нибудь...

– Сказал, как в воду пукнул... – сплюнул за борт Петрович.

Солнце на небе отсутствовало. Да, из-за тумана видимость была хуже обычного, но все же вполне достаточно, чтобы разглядеть безоблачное небо без единого светила. Только сплошная голубизна, куда ни кинь взор...

– Мужики, вы чего туда уставились? – весело спросил Петр Иванович, появляясь на полубаке. – Самолет, что ли? А, мужики? Вы чего, а? Слушайте, мы тут с Гюнтером прикинули, сколько сэкономим, если и дальше свет халаяный будет! Это ж за все путешествие... ну, много. Туева хуча! Только ночью плохо – я со светом спать не люблю.

– Петр Иваныч, вы ничего странного на небе не замечаете? – спросил Сергей через пять минут.

– Нет, – пожал плечами Колобков. – Небо как небо. Синее.

– А на солнце?

– На солнце... на солнце... – завертелся бизнесмен. – Але, Серега, это что за ботва?... Вы куда солнце подевали?

Почти час на полубаке творился натуральный бедлам. Колобков сначала собирался на некоторое время скрыть от жены, детей и тещи происходящие странности, чтобы не беспокоить их лишней раз. Но объяснить отсутствие солнца оказалось на удивление сложной задачей.

– Главное – не паниковать, – рассуждал Колобков, расхаживая по полубаку. – Наверняка есть разумное объяснение...

– Наверное, это какая-нибудь аномалия вроде Бермудского треугольника, – предположила начитанная Света.

– Или НЛО, – поддакнул Вадик.

– Или НЛО, – с опозданием в полсекунды произнес Гешка.

– Я первый сказал! – возмутился брат.

Сергей сидел и с тоской смотрел на разложенные перед ним мобильники. Восемь экземпляров – его собственный, Грюнлау, Зинаиды Михайловны, Гены, Валеры, Светы и две штуки Колобкова. Они все прекрасно работали, но связи не было. Тихо, как в могиле.

– «Самсунг» – туфта, «Билайн» – туфта, «Мегафон» – тоже туфта, – авторитетно заявил Колобков. У него ужасно болела голова, а от этого он всегда начинал путать фирмы с тари-

фами. – Все дряннь, все можно выкидывать, не покупая. Ломаются постоянно и с тарифами жульничают. Есть только одна надежная фирма.

– И какая? – с сомнением посмотрел на него Чертанов.

– Гы-гы, Серега, если б я знал... Я б тогда только ей и пользовался. А так, видишь, хожу с «Нокией», как лох педальный. Хотя «Нокия» как раз самая дрянная дряннь – у них не телефоны, а колбаса собачья! Ни хрена работать не умеет никто! Ну, кроме меня, – добавил он, немного подумав.

Угрюмченко возился с лагом – поразмыслив, все решили, что лучше уж куда-нибудь плыть, чем стоять на одном месте и ждать неизвестно чего. И гидродинамический, и гидроакустический лаги работали нормально, скорость соответствовала норме. Так что хотя бы некоторые приборы продолжали службу, как ни в чем не бывало.

Хронометр тоже не помышлял о бунте. Согласно его показаниям, в Гринвиче сейчас было десять часов утра. И остальные часы тикали, как положено. У пунктуального Грюнлау, подводившего часы с каждым меридианом, – девять утра. У расхлябанного Колобкова, по-прежнему живущего по часовому поясу Москвы и Питера, – час дня. У Петровича, уронившего вчера свои ходики в бассейн, – семь часов вечера.

Негодую на спутниковую навигацию, Фабьев полез за секстантом. Но еще на полпути чертыхнулся и махнул рукой – за отсутствием на небе солнца секстант также стал бесполезен. Оставалось дожидаться ночи, чтобы сориентироваться по звездному небу. Правда, Фабьев был настроен пессимистично, подозревая, что неприятные загадки еще только начинаются...

Он оказался прав. Уже за обедом обнаружилась парочка новых сюрпризов.

– Курицу пережарила! – ворчал Колобков, наворачивая на вилку спагетти. – Лапшу переварила!

– А вы бы, Петр Иванович, сами сготовили чего, вот я б на вас посмотрела! – огрызнулась Матильда Афанасьевна. – Я тут вся на нервах! Заманили нас куда-то к черту на рога, и сидите, курочку кушаете!

– А что я должен делать? – удивился Петр Иванович.

– Петя, ну ты же у нас капитан, вот и думай, – мягко попросила жена.

Колобков стянул с плешивой макушки капитанскую фуражку, купленную аккурат перед отплытием из Санкт-Петербурга (чисто ради форса), и мрачно на нее уставился. Впервые до него начало доходить, что капитан – это не просто человек, картинно стоящий на мостике и глядящий вдаль. Капитан на судне – царь и бог, все ему подчинены, но и он отвечает за всех и каждого. Любая возникшая проблема – это прежде всего проблема капитана.

Конечно, в навигации Петр Иванович не понимал абсолютно ничего. Но зато у него имелся обширный опыт руководящей работы. А от хорошего капитана в первую очередь требуется именно это – умение управлять людьми. А для навигации есть штурман.

– Гешка, ну-ка, отнеси Василь Василичу пайку, – вспомнил о штурмане Колобков. – Вы тут чавкаете в четыре щеки, а он там за штурвалом стоит, голодный...

– Я не Геша, я Вадик! – обиженно заявил Гешка.

– Тоже мне отец – детей не различает, – поддакнул Вадик.

Петр Иванович посмотрел на детей тяжелым взглядом Медного Всадника. Когда-то папаша честно пытался выучить, кто из близнецов кто, но они родились настолько похожими, что он так и не преуспел.

К тому же детишки совершенно не желали сотрудничать. Отец пытался одевать их по-разному – они менялись одеждой. Пытался стричь по-разному – на следующий же день стрижки становились одинаковыми. Однажды, когда его довели до отчаяния, Колобков написал на лбах близнецов имена несмыслаемыми чернилами.

Всего через час обе надписи превратились в совершенно идентичные картины Малевича.

– Я сама отнесу, – гордо встала из-за стола Матильда Афанасьевна. Бравый штурман тоже вызывал у нее симпатию. Тем более, что вдовец. – Дети у вас, Петр Иванович, все в вас – толстые и бестолковые!

– Вроде туман рассеивается, нет? – с притворной озабоченностью выглянул в окно Колобков, изо всех сил стараясь удержаться от замечания, что он не толстый, а полный. И то не слишком. А вот у самой Матильды Афанасьевны с весом действительно серьезные проблемы.

– Иваныч, глянь-ка сюда, – подозвал его Угрюмченко, стоящий на злополучных весах. – Серый, смотри, еще одна загогулина...

Все моментально вскочили из-за стола (кроме ленивой жены капитана) и сгрудились вокруг весов.

– Свет, вот ты у нас умная, скажи – может человек за два дня похудеть на семь кило? – спросил Петрович.

– Вряд ли... – усомнилась Светлана. – Даже если совсем ничего не есть... А вы ведь ели?

– Ну, как обычно.

– Петрович, так ты же сам эти весы подкрутил, – вспомнил Сергей.

– Так я обратно все сделал – мне ж и самому свеситься интересно. Позавчера только свешивался – семьдесят девять, как всегда. А сегодня – фу-ты, ну-ты! – семьдесят два!

– Может, не до конца докрутил?

– Серый, я на подлодке механиком служил! – возмутился Угрюмченко. – Там знаешь как – чуть где что, и все – буль-буль, карасики. Что я – с весами дурацкими не управлюсь?

– Ну-ка, дай я взвешусь, – столкнул его Колобков. – Гы-гы, восемьдесят восемь... Может, не врут, а? – с надеждой спросил он.

– А сколько быть раньше? – спросил Грюнлау.

– Девяносто пять у него всегда было, – подала голос Колобкова. – С хвостиком.

Взвесился Сергей – вместо всегдашних шестидесяти двух получилось пятьдесят семь. Грюнлау заработал восемьдесят шесть, хотя раньше было девяносто четыре. Близнецы похудели с шестидесяти четырех до пятидесяти девяти. Худенькая Светочка сбросила вес с пятидесяти до сорока шести.

Зинаида Михайловна взвешиваться отказалась.

– Жалко, других весов на борту нет – эксперимент проконтролировать, – задумался Сергей. – Поди угадай – в весах проблема, или опять какая-то чертовщина.

– А вы заметили, что все теряют в весе около восьми процентов? – вычисляла что-то на часах с калькулятором Света. – Жалко, эти весы граммы не показывают, а то бы точнее подсчитали...

– Свет, а сколько же они тогда твоей бабушке показали? – задумался Сергей. – Вчера у нее сто двадцать было...

– Значит... сто десять, – подсчитала Света.

– Да еще я на полста назад открутил, – напомнил Угрюмченко.

– Шестидесят?! – поразился Петр Иванович. – И Матильда поверила?!

– Иваныч!!! – донеслось из переговорного устройства. – Дуйте все на полубак, я вам такое покажу!!! Я такой чертовщины... такой чертовщины...

Уже через минуту на носу собрались одиннадцать человек (Фабьев, у которого сегодня изрядно прибавилось седины, остался за штурвалом, а Оля сидела с Рикардо и убеждала хомячка не бояться). Туман наконец-то рассеялся и видимость пришла в норму. Никто не произносил ни слова – все молча смотрели на горизонт.

Точнее – на его отсутствие.

Если с тем, что на небе нет солнца, все еще как-то смирились (мало ли, что там творится на небе?), то от родной планеты такой подлянки никто не ожидал. Человек привык, что куда бы он ни посмотрел, взгляд всегда упирался в границу между небом и землей (или водой).

А здесь... здесь взгляд летел вдаль, пока бесконечная воздушная толща не становилась непрозрачной.

И куда ни глянь – только ровная водная гладь.

Двигатели смолкли, но никто этого даже не заметил. Впрочем, они и без того почти не шумели – модель «Альфа III» обеспечивала пассажирам максимальный комфорт.

– Ну? – спустился из рубки штурман. – Есть у кого-нибудь объяснение? Любое сойдет, только дайте хоть какое-нибудь!

– Этого просто не может быть... – прошептала Света. – Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

– Фройляйн Света, может, мы есть на другой планет? – робко предположил Грюнлау. – На Венера или Юпитер...

– В Солнечной Системе нет ни одной планеты с такими условиями, – отрубил круглая отличница. – Это все вообще невозможно с точки зрения физики! Хотя бы горизонт должен быть обязательно!

– А если планета очень-очень большая? – задумался Сергей. – Такая огромная, что...

– Тогда и сила тяжести была бы просто... просто... ну просто очень большой! А она наоборот уменьшилась!

– А если мы... м-м-м... внутри планеты? Как в «Плутонии»? Читали?

– А, это Обручева? – одобрительно закивал Колобков. – Помню, помню, я в детстве эту книжку по ночам с фонариком до дыр зачитывал...

– Да, но тогда бы земля... вода вдали поднималась бы **вверх**! – уверенно заявила Света. – Был бы такой... такой... ну, антигоризонт!

– Эй, все! – поджала губы Зинаида Михайловна. – Вы что, на солнце перегрелись? Стоите и спорите, на какой мы планете! Вы сами себя послушайте!

– Мам, ну а как все это еще объяснить? – вежливо спросила Светлана. – Смотри, сколько всяких странностей. Горизонт исчез – раз.

– Солнце пропало – два, – загнул два пальца Колобков.

– Вес у всех уменьшился – три, – внес свою лепту Угрюмченко. – Или, может, весы поломались...

– Темноту украли – четыре, – практически одновременно присоединились близнецы.

– Компас отказал – пять, – грустно кивнул Фабьев. – И автопрокладчик без компаса не работает.

– Связи нет – шесть, – добавил Чертанов. – Ни телефона, ни радио, ни Интернета – ничего!

– Одна станция есть, – напомнил механик. – Комариная.

– Что делать-то будем, Иваныч? – спросил Фабьев. – Дальше пойдем или постоим пока?

– Чего стоять-то... – задумался Колобков. – Плыть, конечно... У нас как с горючкой-то?

– Под завязку. Мы и так с запасом брали, а в Лиссабоне еще и заправились. На кругосветное путешествие хватит. Только куда идти-то? В какую сторону? Черт его знает, где мы есть...

– Вадик, ну-ка, сбегай, принеси папе бинокль, – скомандовал Петр Иванович. – Чичас сориентируемся.

– Вон там вроде точка какая-то, – указал Сергей. – Во-о-о-он там...

– У молодости глаза зоркие, – поскреб коротенькую бороду Фабьев. – Я вот ни черта ни вижу... В какую, говоришь, сторону?

– Это вроде птица какая-то... – прищурился Чертанов. – Альбатрос, что ли?

– Если альбатрос, плохо, – глубокомысленно кивнул штурман. – Альбатросы в открытом океане летают, на лету спать умеют. Вот если чайка или буревестник – тогда, значит, земля близко...

Бинокль до сих пор не появился, и отец отправил Гешку поторопить брата. Теперь без вести пропали уже оба. Зато вместо них появилась Оля в обнимку с клеткой. Из-за прутьев ехидно поблескивали красные глазки Рикардо – сирийский хомячок с явным злорадством взирал на перебинтованный палец Петра Ивановича. Тот тоже вспомнил вчерашнее и сердито наморщил нос.

– Ко мне его не подпускай, – предупредил он. – Он отведал человеческой крови! Теперь это хуймяк-людоед!

– Пап, он ее уже раз сто отведал, – фыркнула Оля. – Он у меня всех подружек перекусал, Гешку с Вадиком раз по пять, маму...

– Кусочий зверек... – неодобрительно закивала Зинаида Михайловна.

– ...Светку, дядю Сережу, дядю Гену, дядю Валеру, дядю Гюнтера, дядю Васю, дядю Петровича...

– Слушай, а ты его вообще кормишь? – усомнился папа. – Или он у тебя уже на подножный корм перешел? Сам себе мясо, что ли, добывает?

– Она боевого хомяка воспитывает, – сообщил Вадик, наконец-то доставивший отцу заказанный бинокль.

– Ага, вот еще мы одного купим, будем их стравливать, – добавил Гешка.

– Не будем! – надулась Оля, прижимая к животу драгоценную клетку. – Я вам Рикардо не дам!

Близнецы переглянулись и захихикали. Разрешения у младшей сестры они спрашивать не собирались.

– Мама, скажи им! – поняла их коварные намерения Оля.

– Пусть папа скажет, – вынесла дипломатическое решение Зинаида Михайловна. Вчера вечером она наконец-то дочитала книжку Арлин Дэниэлс и взялась за Дейла Карнеги. Феминизм получил отставку – его место заняло правильное детское воспитание. – Петя, скажи им!

– Ая? – отозвался Колобков, не отрываясь от бинокля. – Зинульчик, не тревожь меня зря. А то вдруг война, а я уставший?

Его слова оказались пророческими.

– Смотри, папа, какая птичка! – восторженно вскрикнула Оля, задирая голову. Сверху донесся резкий свист рассекаемого воздуха.

– Ема-а-а!!! – взревел Гена, отшвыривая Колобкова в сторону. Из бинокля вылетела и укатилась линза.

А на то место, где только что стоял директор «Питерстроя», спикировала какая-то крылатая тварь. Когти клацнули в воздухе. Последние несколько минут никто не смотрел на небо, а зря – «альбатрос» оказался совсем не птицей...

Прوماхнувшись, монстр сделал крутой вираж, снова нацеливаясь на Колобкова – пухленький бизнесмен показался ему самым аппетитным. Угрюмченко, стоявший прямо на пути, сорвал с щита пожарную лопату и что есть мочи врезал по лапе пикирующего ящера. Плышались сухой треск перелома, но в следующую секунду механик отлетел назад, издав почти такой же ломающийся звук – рептилия ответила ударом на удар.

– Уяк!!! – подпрыгнул на добрый метр Валера, зафигачивая каблуком в живот летучего зверя. Тот невнятно булькнул и резко отвернул, задев крылом мачту, – дюжий телохранитель не зря заработал свой черный пояс. Точность и сила удара сделали бы честь даже Брюсу Ли.

– О!!! У!!! Угу!!! Йо!!! – принял на кулаки чудовище Гена. Арбузоподобные кулачищи просто выбили из зверюги дух. Майк Тайсон помер бы от зависти, увидев эту ходячую молодилку.

Гена схватил жуткую птицу за крылья, подтянул к себе и ударил лбом в клюв, едва не свернув его набок. А Валера прыгнул ей на спину, хватая тощую чешуйчатую шею и загибая ее,

как трубочку для коктейля. Телохранители в унисон заработали руками и ногами, нисколько не смущаясь необычностью противника.

Они не умели одновременно драться и думать.

Монстр что-то проскрипел и свалился на палубу мешком, надломив клювом одну из палубных досок. Крылья вяло затрепетали, но, похоже, взлететь из такого положения существо не могло. Неестественно вывернутая шея слабо колебалась – позвоночник все-таки каким-то чудом уцелел.

– Ух, падла! – пробасил Гена, для верности наступая зверю на крыло.

– Сука крылатая! – наступил на второе крыло Валера.

– Все в порядке, шеф? – хором осведомились они, заботливо глядя на Колобкова.

– Живой... – растерянно поднялся на ноги Петр Иванович. Посмотрел на подергивающегося ящера, сглотнул, поняв, чего только что избежал, и восторженно воскликнул: – Ну, Генка! Ну, Валерка! А мне еще говорили – на фига тебе такие дорогие телохранители?! Мужики, да вы же мне жизнь спасли!!!

Два амбала смущенно потупились.

– Считайте, что оклад я вам уже повысил, – пообещал Колобков. – И премиальные выпишу. И еще чего-нибудь придумаю – пушки именные, что ли... Петрович, и тебе тоже – ты ж у нас прямо Муромец! С лопатой на Змея Горыныча! Некрупного, правда... Ты, вообще, как?

– Ар-р-р... у... ы... – с трудом поднялся на ноги механик. – Иваныч, я того... руку, кажись, сломал... о-о-о, как больно...

– Дайте, я посмотрю, – тут же завернула ему рукав Света. – Да, похоже на закрытый перелом лучевой кости... Гешка, ну-ка, принеси аптечку! И шины!

– А чего я-то?..

– Быстро!!! – рявкнула на него мать. – Слышал, что сестра сказала?!

Заполучив набор первой помощи, Света проворно и умело соединила сломанные концы кости, наложила шины, туго перебинтовала и зафиксировала руку косынкой, чтобы механик не вздумал ею двигать.

– Ну и дочка у тебя, Иваныч! – восхищенно ухмыльнулся Угрюмченко, глядя на правую руку. – Прямо докторша!

– Так кто ж ее родил-то? – довольно подбоченился Колобков. – Все, Петрович, отдыхай пока, у тебя боевое ранение.

– А с мышью этой летучей что делать будем? – осторожно подошел поближе Угрюмченко. – Ну и здоровая же...

– Папа, это же дракончик! – восхищенно раскрыла рот Оля. – А можно его оставить?!

– Ни-ни! – аж передернуло папу. – Если я захочу, чтоб меня сожрали, попрошу твоего хуймяка!

– Это хомяк! Папа, ну давай оставим дракончика, а? Он такой симпатичный!

– Вовсе и не симпатичный, – строго заявила мама. – И он все равно уже сдох.

– Да нет, вроде дышит пока... – прислушался Сергей. – Живучий... Шея на девяносто градусов повернута, а все равно живет...

– Прыгнем мы ежу на живо-о-от, еж кричит, но все же живе-о-о-т! – заголосили близнецы.

И тут же заткнулись – добрый папа ласково отвесил обоим по отеческому подзатыльнику. Аж искры из глаз полетели.

– По-моему, это птеродактиль, – заявила Света, приставив палец к губе. – Только странный какой-то. Размах крыльев почти как у птеранодона, но тело крупнее – он и человека унести может. А для рамфоринха великоват, и хвоста нет... И шипы эти на голове непонятные – таких ни у кого не было...

– Вот Светочка у меня умница, все знает... – умилился Петр Иванович, глядя ее по голове. – Я тебя в Оксфорд учиться отдам, хочешь? Или в Кембридж. Сама, в общем, выберишь.

– Папа, отстань, – вырвалась Светлана. – Дядя Сережа, вы как думаете – это птеранодон или все-таки птеродактиль?

– Да фиг его знает... – выдал авторитетное мнение Сергей.

– А по-моему, это просто здоровая летучая мышь, – высказался Угрюмченко. – Руку мне сломала, гадина...

– Черт крылатый, – покосился на ящера Фабьев. – Я такой пакости никогда не видел... Морского змея видел однажды, а таких чертей с крыльями...

– Морской змей? – заинтересовался Грюнлау. – Вы и в самом деле видите морской змей?

– Потом как-нибудь... – поморщился штурман. – Это давно было.

Матильда Афанасьевна смотрела на поверженного звероящера и сердито поджимала губы. Тоже – хищник нашелся! Не смог Гену с Валерой одолеть! Эх, а если бы он все-таки скушал ее драгоценного зятя... глаза тещи заволокло блаженным туманом. Какие-то десять минут назад чуть было не исполнилась ее самая заветная мечта...

– Что с ним делать-то будем, Петр Иванович? – спросил Сергей.

– А за борт сбросим, да и дело с концом, – пожал плечами Колобков. – Нефиг меня жрать было.

– Nein, nein, auf keinen Fall! – от волнения перешел на родной язык Грюнлау. – Wir sind nicht rechtskräftig... то есть, я говорю, что мы не имеем право уничтожить такой бесценный животный! Музей естественной истории Мюнхен взять его и выставить в самый большой витрин! А если он еще живой...

– То мы его оставим себе! – обрадовалась Оля, безуспешно стараясь высвободиться из материнской хватки и погладить дракончика.

– ...если он еще живой, то мы сдать его в зоопарк Гагенбек! – заявил немец.

– Или в Московский... – задумался Колобков.

Перед его мысленным взором появился огромный павильон в лучшем зоопарке страны, длинная очередь перед ним и вывеска: «ЖИВОЙ ПТЕРОДАКТИЛЬ!!! Передан в дар нашему зоопарку П. И. Колобковым». А ниже скромненько так – реклама фирмы «Питер-строй».

– Кулагин сдохнет от зависти... – злорадно усмехнулся Колобков, вспомнив своего вечного конкурента. – Ген, Валер, вы тут самые мощные – свяжите эту летучую мышь и сбросьте в трюм. Петрович, тебя рука не очень беспокоит?

– Да ничего, жить буду. Хорошо, что правая, а не левая – я ж левша.

– Ну тогда покажи им, где там что. У тебя места в трюме хватит?

– А то! – хмыкнул механик. – Обижаешь, Иваныч – чтоб Петрович да места свободного не нашел? Да у нас там сто пятьдесят кубометров запаса! Слоновью семью поместить можно!.. если утрамбовать, конечно, и ноги связать, чтоб не топотали.

– Тут такой большой трюм? – удивился Колобков. – Ты смотри – а я ни разу не спускался... Упущение! Это, выходит, на сувениры еще много места останется... Серега, а ты бегай-ка ко мне в каюту, и принеси из сейфа пистолеты. На, ключи возьми. Раз тут такие динозавры летают, пусть Гена с Валерой при оружии ходят – мне спокойней будет...

Телохранители торопливо поволокли стреноженную зверюгу в трюм, предварительно выдав ей еще пару хуков, чтоб не дергалась. Звероящер только тихо кричал и безуспешно пытался взмахнуть крыльями. Петрович сломал ему одну лапу, Валера другую, а клюв у этой рептилии явно не служил оружием – слишком уж неуклюжий. Судя по крупным лапам со скрюченными когтями и мощным крыльям, позволяющим летать с большим грузом, охотился он на манер орлов – хватал добычу и сбрасывал с большой высоты на что-нибудь твердое.

– Интересно, чем его кормить?.. – задумался Колобков. – Светочка, прелесть моя каре-глазая, что эти блеродактили жрут?

– Ну, раз он на тебя напал... – задумалась Света.

– Значит, Петра Иваныча ему и скормим! – закончила теща.

– Уж лучше вас, Матильда Афанасьевна, – сладким голосом предложил Колобков. – В вас го... ума много, зверю надолго хватит. Еще и для бешеного хуймяка останется.

– Это хомяк, папа! – взвизгнула Оля. – Что ты его обижаешь все время?!

– А он первый начал! – показал на клетку папа. – Я вообще твоего хуймяка скоро...

– Человек за бортом!!! – донеслось из ходовой рубки.

Глава 3

Василий Васильевич мог поклясться, что еще минуту назад на несколько миль вокруг не было ничего, кроме соленой морской воды. И вдруг из-под нее как будто вынырнули эти трое! Ну вот откуда они взялись?

Целых три старика, сидящие в дырявой лодке, доверху заполненной водой. Причем, что самое удивительное, даже не думающие тонуть! Лодка погрузилась по самые бортики, но дальше словно начиналась мель.

А никакой мели не было и в помине – уж в этом-то опытный моряк был уверен на все сто.

Когда их подняли на борт, команда и пассажиры «Чайки» с равным удивлением уставились на неожиданных гостей. Конечно, все были очень рады наконец-то встретить живые души, возможно, способные объяснить, что за чертовщина тут творится. Или хотя бы посочувствовать несчастным туристам, у которых уже голова кругом идет от всех этих загадок природы.

Но, похоже, пришельцы вовсе не собирались рассеивать сгустившуюся мглу. Наоборот – они явно вознамерились стать еще одной загадкой.

Уж очень странными оказались эти трое.

Первый – весьма крупных габаритов, похожий на копну сена. Лицо все в морщинах, красное, как помидор, нос вообще лиловый и здоровенный, губы очень толстые, но этого почти не видно за шикарной седой бородищей, спускающейся чуть ли не до колен. Волосы такой же длины – настоящий волосяной плащ до пят. Глаза сонные, слипающиеся, руки пухлые, как окорока, а пальцы удивительно коротенькие. Одет во что-то вроде пижамы свободного покроя, голову украшает нечто, похожее на ночной колпак. Обут в остроносые туфли.

Его звали Каспаром.

Второй – худощавый, но кажется толще из-за нескольких одеяний, надетых одно поверх другого. Две пары просторных туник с широченными рукавами, плащ-покрывало с длинным подолом, еще какие-то странные одежки... И уйма карманов. Обут в мягкие кожаные чупяки. Лицо сморщенное и пожелтевшее, азиатские черты, впалые щеки, раскосые глаза, пальцы очень длинные и хрупкие. Ногти накрашены черным лаком. На голове ни волосинки – светящаяся лысина. Зато есть длинные седые усы до самых плеч и коротенькая борода.

Его звали Бальтазаром.

Третий – средней комплекции, морщинистый, но кое-какие бицепсы еще присутствуют. Чернокожий, волосы седые, кудрявые, но ни усов, ни бороды нет. Черты лица прямые, четкие, на подбородке огромная бородавка. Одет крайне скромно – только юбка до колен, похожая на длинную набедренную повязку. Босой. На груди татуировка – орел, раскинувший крылья. Под мышкой держит громадную книгу в переплете из натуральной кожи, а за ухом – раскрашенная деревянная палочка, похожая на декоративную зубочистку.

Его звали Мельхиором.

И они, в свою очередь, недоуменно рассматривали пассажиров «Чайки».

– Какой странный корабль... – задумчиво огляделся Бальтазар. – Без парусов, без мачт...

– Одна мачта есть, вот! – указал Мельхиор.

– Она деревянная?

– Нет...

– Значит, это не мачта.

– А? Что? Что здесь происходит?

– Ты опять уснул, старый дурак! – прикрикнул на Каспара Бальтазар.

– Неправда!.. хррр-пс-пс-пс... что? Я не сплю, не сплю! А где это мы?

– Смотрите, наша лодка! – обрадованно указал на красивую старинную шляпку Мельхиор. – Та, которую у нас украл демон!

– А-а-а, помню... – закивал Каспар. – Помню, помню! Помню, помню! Помню... а о чем это мы?..

– Жалко, мы его не поймали, а то бы я его... а что обычно делают с демонами? – задумался Бальтазар.

– Пригласил на чай? – предположил Мельхиор.

– Угостил печеньицем? – добавил Каспар.

– Ну что-то в этом роде, – неуверенно согласился Бальтазар. – Послушайте, а разве мы этот корабль вызывали?

– Мы вызывали корабль? – удивился Каспар. – Когда?

– И зачем? – добавил Мельхиор.

– Затем, что наша лодка утонула, и мы все мокрые, – отжал рукава Бальтазар.

– А, так это я из-за этого мокрый! – обрадовался Каспар. – А я-то уж думал, что... хотя это тоже. Где мои пеленки?

– Утонули вместе с лодкой?

– Нет, у меня где-то одна осталась... – начал копать по карманам Бальтазар. – Груша... мед... чей-то зуб... чей это зуб? Никто зуба не терял?

– Кажется, у меня одного не хватает, – ощупал языком дупло Мельхиор. – Дай померить... нет, великоват.

– Это зуб акулы, – любезно подсказал Каспар. – Хррр-пс-пс-пс...

– Не спи, старый дурак! – встряхнул его Бальтазар. – Что такое «акула»?

– Сейчас посмотрим... – раскрыл книгу Мельхиор. – Акула, акула, акула...

– Ты ищешь на «о». А надо на «а».

– Уверен? – засомневался Мельхиор. – Мне всегда казалось...

– У меня есть предложение! – оживился Каспар. – Только я забыл, какое...

– Так, подождите. Давайте сначала вспомним, что мы вообще здесь делаем.

– Вроде бы мы куда-то плыли... – поскреб кучерявую макушку Мельхиор.

– А куда мы могли плыть?

– Э-э-э... может, домой?

– У нас есть дом? – удивился Каспар. – Где?

– Я не помню. Может, здесь?

– Нет, это корабль. А нам нужен дом.

– А чтобы доплыть до дома, нужен корабль! – торжествующе воскликнул Мельхиор. – Эрго! Я мыслю, следовательно, я существую!

Двое других призадумались над такой интересной идеей. А потом Бальтазар решительно рубанул ладонью воздух и заявил:

– Я точно помню, что мы вызывали корабль! Наверное, чтобы доплыть домой. Иначе зачем?

– Но мы вызывали нашу лодку, маленькую... – неуверенно припомнил Каспар.

– Так вот же она! – напомнил им Мельхиор. – Маленькая лодка привела с собой большую! Это же хорошо! Хорошо ведь?

– Ну, на большой хватит места даже ему... – пихнул Каспара в бок Бальтазар. – Но тут вроде бы кто-то уже плывет...

– Матросы! – догадался Мельхиор. – К кораблю прилагаются матросы – это же естественно! Вот вы умеете управлять кораблем?

– Я... – поднял руку Каспар.

– Игрушечные кораблики не считаются, – мотнул головой Бальтазар.

– Почему? – обиделся Каспар.

– Потому что они ненастоящие.

– Ну, все мы в какой-то степени ненастоящие... – развел руками Мельхиор.

– Я лично настоящий, – отрубил Бальтазар. – Насчет вас не знаю – может, вы мне просто кажетесь.

– А почему не вы мне?.. хррр-пс-пс-пс...

– Ну вот – он опять уснул.

– Может, весь мир снится такому же вот огромному и бородавтому... а как его зовут?.. – наморщил лоб Мельхиор.

– Я и твое-то имя не помню, – пожал плечами Бальтазар. – У тебя оно есть?

– Я помню, что меня как-то звали... только вот как?

– Ну что, вы приказали матросам отвезти нас домой? – проснулся Каспар.

– Нет, еще не успели.

– Я так долго спал, а вы еще не успели?!

– Ты спал всего полминуты.

Пока они препирались, «матросы» взирали на них с остолбенелыми лицами. Три старика разных рас, говорящие на каком-то непонятном языке, стали последней каплей в потоке странностей, обрушившемся на «Чайку» сегодня.

– Иваныч, кто это? – шепнул Угрюмченко.

– Вот уж не знаю... – ответил Колобков. – Негр какой-то, китаец... и еще этот бородастый, который все время засыпает... Серега, ты у нас полиглот – они по-каковски базарят-то?

– Это точно не есть немецкий, – категорично заявил Грюнлау.

– Хм-м-м... э-э-э, господа... – нерешительно обратился к старикам Сергей, поняв, что ему, как переводчику-любителю, придется брать на себя основную тяжесть переговоров. – Товарищи... эй, деды, я к вам обращаюсь!!!

Старики посмотрели на него, о чем-то спросили друг друга и снова завязали оживленную беседу. Похоже, они могли бормотать так часами, а то и сутками. Чертанов растерянно обернулся и развел руками. Колобков нахмурился.

– Алло! – повернулся обратно Сергей, чувствуя под лопатками суровый взгляд шефа. – Господа спасенные, проявите хоть чуть-чуть уважения! Мы же вас все-таки из моря вытащили!

Старик, похожий на китайца, обернулся и что-то сказал на непонятном языке. Все трое замолчали и выжидающе уставились на него. Чертанов почувствовал, что ему не по себе.

– А... вы по-русски понимаете? – вежливо спросил он.

Старцы продолжали молча пялиться. По-русски они явно не понимали.

– And in English? Just one word? – попробовал Сергей.

Никакой реакции.

– Verstehen sie deutsch?... Herr Grjunlau, ich sehe, das dass nicht deutsch ist, aber vielleicht können sie ihn verstehen?

Старики по-прежнему ничего не поняли.

– Peut-être, en français? Les compagnons, vous parlez français?

– Да ни фиги они не понимают! – махнул рукой Колобков. – Серега, у тебя еще много языков осталось?

– El español? Si decís en español? Y bien, por favor, digan que decís! – не отчаивался Чертанов.

Испанский тоже не вызвал положительной реакции.

– Acredito, sobre o português até para perguntar que não seja necessário...

Каспар, Бальтазар и Мельхиор слушали очень внимательно. Но произнесенные слова ничего не пробудили в их памяти. Да, на всех этих языках Чертанов говорил примерно так же, как Грюнлау – по-русски (практики не хватало), но смысл-то понять можно было!

– Вам не кажется, что этот юноша пытается привлечь наше внимание? – предположил Каспар.

– В самом деле? – удивился Бальтазар. – А мне казалось, что он просто читает какое-то стихотворение...

– Нет-нет, уверен, эти смешные звуки – какой-то незнакомый язык, – помотал головой Мельхиор. – Давайте хотя бы покиваем, а то невежливо получается – он так старается, а мы не отвечаем.

Старики дружно закивали. Сергей, который к этому моменту закончил со всеми известными ему языками и перешел на русско-матерный, удивленно моргнул.

– По-моему, он недоволен, – поджал губы Бальтазар. – Может, он ожидал, что мы сделаем что-то другое? Вдруг он спрашивал, хотим ли мы вернуться в воду, а мы соглашаемся?

– Нет, нет, мы не хотим! – испугался Каспар.

Старики дружно замотали головами. Сергей удивился еще сильнее.

– Может, попрыгать на одной ножке?.. – предложил Мельхиор.

– Не будем перебарщивать, – отказался Бальтазар.

– Послушайте, а разве эти матросы не должны были выучить наш язык? – нахмурил кустистые брови Каспар. – Ведь мы же вызвали их из другого мира, разве нет? Разве при переходе между мирами не даруется знание языка?

– Вероятно, в заклинание вкралась ошибка...

– Как и всегда, – мрачно согласился Бальтазар. – Мы опять что-то сделали не так.

– Но нам надо как-то объясниться с этими людьми... это ведь люди?

– Люди. Или кто-то, кто очень здорово под них замаскировался.

– А у тебя не осталось еще тех волшебных рыбок? – спросил Каспар.

– Где-то здесь были... – начал копать по карманам Бальтазар. – Хотя нет. Больше нет. Тот демон украл последних. А я собирался сотворить из них настоящее чудо!

– Ты собирался поджарить их и съесть.

– Да, но вкус был бы просто чудесным.

– Но ты ведь успел приготовить из них эликсир? Мы же не все истратили в прошлый раз?

– Да, помните, как тогда было весело?..

Три волшебника мечтательно заулыбались. А потом улыбки постепенно начали сползать...

– Я не помню, – угрюмо сказал Бальтазар.

– Я тоже, – согласился Каспар.

– А я не помню даже, о чем мы говорим, – признался Мельхиор. – Стареем, стареем...

– Чепуха! – фыркнул Бальтазар. – Мне всего... э-э-э... а сколько мне лет?

– Не помню. Но я самый старший! – поспешил заявить Каспар.

– То есть самый старый. А ты нашел эликсир?

– Какой эликсир? – удивился Бальтазар. – Ах да... Вот, последняя бутылка... Нет, это не она, это клюквенный пунш.

– М-м-м, пунш... – облизнулся Каспар, снимая с головы колпак. – Поторопись, мне холодно и сыро!

Из колпака выпало несколько кусочков льда и кусок зеленого вонючего сыра.

– Я этого туда не клал!.. кажется... – засомневался Каспар.

Колобков подтолкнул Грюнлау локтем и прошептал:

– Глянь, Гюнтер, у бородатого в шапке лед и сыр!

– Вероятно, это есть какой-то фокус, – предположил немец. – Этот *der alte*... как же это есть по-русски... старик, должно быть, факир. Возможно, сейчас он вытаскивает из шляпы кролик?

Бальтазар тоже не терял времени даром. Из его карманов появилась бутылочка с живым пауком, баночка с измельченными личинками, баночка с икрой, засушенный эмбрион лемура,

красочная раковина и, наконец-то, элегантная хрустальная бутылка с ярко-алой жидкостью. В воздухе сразу запахло клубникой и еще чем-то терпким.

– Сначала должен выпить ты, – сказал Бальтазар, протягивая Сергею бутылку.

Чертанов, разумеется, ничего не понял, но все-таки открыл пробку и нерешительно принюхался. Потом сделал глоток. Еще один. А потом начал торопливо вливать в себя магический эликсир, аж причмокивая от удовольствия.

Старцы несколько секунд смотрели на это, мерно покачивая головами, как китайские болванчики. Каспар было всхрипнул, но очередной приступ нарколепсии прошел быстро.

– Я добавил для вкуса немного корицы и клубничную настойку, – гордо заявил Бальтазар. – Хотел еще укропа добавить, но он куда-то подевался.

– Да... подевался куда-то... – как-то странно отвел глаза Каспар, торопливо вытряхивая из бороды застрявшие укропные веточки.

– Послушайте, а разве эту жидкость можно пить в таких количествах? – спохватился Мельхиор. – Я думал, больше одного глотка нельзя...

– Да, нужно делать только один глоток, – подтвердил Бальтазар. – А если выпить много, человек, знающий несколько языков... ну, хотя бы пять-шесть, сможет говорить с любым разумным существом на его наречии.

– А если он не знает так много?

– Тогда умрет. Или хотя бы... нет, обязательно умрет.

Сергей допил до конца и вернул волшебникам бутылку. На дне плескалось всего несколько капель. Мельхиор заботливо поводил у него перед глазами рукой, густо увитой фиолетовыми венами.

– Все в порядке, он даже не ослеп, – рассеянно кивнул Бальтазар. – Я же говорил, что эликсир хороший.

– Двое предыдущих испытуемых умерли, третий сошел с ума, а с четвертого слезла кожа, – напомнил Мельхиор.

– А пятый превратился в пустельгу! – заявил Каспар.

– Это ты его превратил, – помотал головой Мельхиор. – Он даже не успел глотнуть.

– Подумаешь, не так поставил пальцы... – надулся Каспар. – Я бы превратил обратно, но он улетел...

– Потому что ты начал стрелять в него из лука.

– Я увидел хищную птицу и выстрелил! Что я еще должен был делать? Это же дикий зверь! Он мог убить мою дочь!

– У тебя же нет дочери.

– А могла бы быть!

– Тут еще хватит на троих, – сунул нос в бутылку Бальтазар. – Но только по глоточку.

– На вкус недурно... – чмокнул губами Каспар, сделав свой глоток. – Знаешь, ты варишь отличные эликсиры! Ты не пробовал сделать из этого профессию?

– Пробовал. И сделал. Ты что, опять забыл, старый болван?

– Наговор! Я никогда ничего не забываю! Кстати, как тебя зовут?

– По-моему, начинает действовать, – задумался Мельхиор. – Я чувствую, как в голове что-то копошится...

– Старый дурак, ты опять подцепил вшей! Не подходи ко мне близко! – заворчал совершенно лысый Бальтазар.

– Нет, это слова нового языка. Вот, смотри: «Kak poghivaesh?»

Сергей, услышав из уст старого негра знакомую речь, понял – эти проклятые деды просто над ним издеваются, а сами отлично говорят по-русски. Он недовольно скривился и высказал все, что о них думает. Двух слов вполне хватило.

– Что ты ему сказал? – уголком рта спросил Каспар.

– Я задал вежливый вопрос, не имеющий смысла. Знаешь, один из тех, которые задают, чтобы поддерживать беседу.

– А, что-то вроде: «Не беспокоит ли вас грыжа?», да?

– Примерно.

– Чепуха! Ты сказал что-то совсем другое – смотри, как этот юноша злится!

– Может, его как раз беспокоит грыжа, и он разозлился, что мы так бестактно напомним?

– Нет, послушайте, теперь я понимаю его слова! Выходит, эликсир все-таки подействовал! Ого, какие нехорошие слова...

– Грхм-хм-рраа! – утробно откашлялся Бальтазар, переходя на русский. – Юноша, если ты немедленно не прекратишь изрыгать столь нечестивые... э-э-э... забыл слово...

– Плевательства? – предположил Мельхиор, листая словарь.

– Нет, ругательства.

– Слушайте, дедушки, вы кто вообще такие? – устало спросил Чертанов.

Волшебники озадаченно переглянулись. Когда-то они смогли бы ответить на этот простой вопрос, но те времена ушли безвозвратно.

– Воспитанные люди вначале представляются сами, – заявил Каспар. – Назови свое имя, юноша.

– Чертанов, Сережа, – пошел им навстречу Сергей. – Двадцать восемь лет, холост, сто семьдесят восемь смэ роста, шестьдесят два кэгэ веса, шатен, глаза карие, образование высшее, гуманитарное, по профессии системный администратор, по национальности русский, не был, не привлекался, не участвовал... то, есть, нет, все наоборот. Был... прямо сейчас есть... привлекался... еще в институте... участвовал... случайно, по пьяни.

Старики задумчиво пожевали губами, а потом Бальтазар заявил:

– Мы будем называть тебя Рыжий.

– Я не рыжий, я шатен. И нечего меня так называть, у меня имя есть!

– Если хочешь, чтобы мы называли тебя по имени, напиши его где-нибудь.

– На лбу, – предложил Каспар. – Могу одолжить перо.

– И чтоб большими буквами и разборчиво! – потребовал Мельхиор. – А для начала представься. Как тебя зовут?

– Он же только что сказал – его зовут Рыжий! – насмешливо посмотрел на него Каспар. – Я что – единственный здесь, кто еще что-то соображает?... хррр-пс-пс-пс...

– Он что – уснул? – неуверенно прищурился Сергей. – У него нарколепсия?

Бальтазар и Мельхиор переглянулись. А потом Мельхиор полез в словарь:

– На какую букву начинается это слово?..

– Надоед со своим словарем! – выхватил у него книгу Бальтазар. – Я требую немедленно избавиться от него!

И вышвырнул за борт.

– А? Что? Я не сплю, не сплю! – закричал Каспар, услышав всплеск.

Мельхиор озадаченно почесал в затылке, глядя на пустые руки, и прищелкнул пальцами. Из воды с шумом вылетела толстенная книжища и вернулась обратно к хозяину. Совершенно сухая.

– Иваныч, ты это видел? – тронул Колобкова за рукав Фабьев. – Опять какая-то чертовщина!

– Эх, Василь Василич, я сегодня столько всякого видел, что уже устал удивляться... – вздохнул тот.

– О да, способности человек к удивлений ограничены, – согласился Грюнлау. – В сравнений с несуществующий солнце и горизонт летающий книга – это просто небольшой фокус старый факир. Может, там быть веревка?

Мельхиор же обиженно посмотрел на Бальтазара, встряхнул словарь в воздухе, и тот уменьшился до размеров почтовой марки. После этого волшебник прилепил его к виску.

– А это тоже веревки? – оступело спросил Фабьев.

Сергей тем временем в голос спорил с тремя стариками. Теперь, когда они заговорили по-русски, он вполне мог уступить место шефу, но тот не очень-то торопился принимать эстафетную палочку.

– Что значит, это вы нас сюда вызвали?! – орал Чертанов. – Да вы кто такие, [цензура] вашу мать?!

– Молодой человек, если ты немедленно не прекратишь ругаться, я превращу тебя в тритона, – сухо заявил Каспар. – Поимей уважение к моей бороде... кстати, никто не видел мою расческу?

– Я не видел.

– Я тоже.

– А на меня вообще не смотрите! – возмутился Сергей.

– А может, это он ее украл? – предположил Мельхиор. – Или кто-то из других матросов?

– Да, как нашу лодку...

– Какую еще лодку? – не понял Чертанов. – Слушайте, у меня уже голова кругом идет...

Петр Иванович, я без вас не разберусь!

– Не тушуйся, Серега, сейчас я тебе помогу, – подошел поближе шеф. – Чего тут?

– Они говорят, что мы у них украли какую-то лодку...

– Да вот же она, – указал Мельхиор на великолепный баркас, отделанный под семнадцатый век, используемый на «Чайке» вместо шлюпки. – Это наша вещь!

– А ху-ху не хо-хо, дедуля?! – возмутился Колобков. – Это моя лодка!

– Между прочим, спасательное средство, – добавил Фабьев. – Обязательная принадлежность любого судна. У нас на борту еще два надувных плота есть.

– Они не наши. А эта наша! Вот, смотрите, тут на борту выжжены наши имена.

Все сгрудились вокруг неразборчивой надписи. Света достала лупу и начала изучать незнакомые буквы по новой – неделю назад она уже пыталась их расшифровать. Безуспешно, разумеется.

– Это по-каковски написано? – спросил Угрюмченко.

– Э-э-э... мы не помним... – признался Бальтазар. – У меня такой неразборчивый почерк...

– А я до конца не дописал – уснул на середине, – добавил Каспар.

– А я забыл, как меня зовут, и просто нарисовал всяких значков, – присоединился Мельхиор. – И еще картинку с птичками. Правда, хорошая картинка получилась?

– Но писали это точно мы! – закончил Бальтазар. – Значит, лодка наша! Ее у нас украл демон!

– Какой еще демон – мне ее Лева подарил! – возмутился Колобков. – Друг детства!

– Лева? Странное имя для демона... – нахмурил чело Каспар.

– Мужики, у меня такое ощущение, что кто-то здесь сошел с ума, – мягко сказал Колобков. – И этот кто-то – не я. Серега, ты что-нибудь понимаешь?

– Ни хрена!

– Разделяю твои чувства, – кивнул шеф. – Гюнтер, Зинулик, Светочка, Василь Василич? Зинуль, ты ведь помнишь Леву?

– Он, кажется, доктор микробиологии? – вспомнила жена.

– Ну да. Среднего роста, худой, нос еще такой востренький... Он же у нас дома был! Вот скажи – он похож на демона?

– Пахло от него как-то странно... – призналась Зинаида Михайловна. – Но на демона... да какого еще демона?! Их вообще не бывает!

– Бывают, – возразил Мельхиор.

– Ну, Зинулик, я уже как-то не уверен... – зачесал в затылке Колобков. – У нас в трюме живой птеродактиль сидит... Я сейчас не удивлюсь, даже если из моря вынырнет пьяный Змей Горыныч с нашим налоговиком на спине.

– Если этот ваш Лева не демон, значит, он купил нашу лодку у демона, – вывел умозаключение Мельхиор. – Где он ее взял?

– У-у-у... а я не знаю... – задумался Петр Иванович. – Я еще помню, удивился – откуда у него такая штуkenция? Но как-то забыл спросить...

– В общем, мы вызвали нашу лодку, и вот она здесь, – кивнул Мельхиор. – И еще привела с собой другую лодку – большую. По-моему, все яснее ясного. Эрго!

– Нельзя безнаказанно красть у волшебников! – покачал пальцем Бальтазар. – Мы все возвращаем обратно с прибытком! Мы еще пытались вернуть наших рыбок, но с ними почему-то не получилось... Только вот что появилось...

Он вытащил из кармана несколько гвоздей, вилку, погнутую штопальную иглу, несколько серебряных монет, сырое яйцо и, наконец, мужские трусы с вышитой буквой «К».

– Столько мусора в карманах накапливается... – поджал губы Бальтазар.

– А у меня в шляпе все время появляется то, чего я туда не клал, – пожаловался Каспар, снимая колпак. Из него посыпался песок. Потом полилась вода. И в конце концов вывалилась куча куриных перьев. – Интересно, откуда это берется?

– Ну вот, теперь опять палубу драить... – вздохнул Фабьев.

Вадик с Гешкой устали на изгвазданные доски и сердито засопели – драить палубу всегда заставляли их двоих. Папа всегда наказывал за паршивые оценки трудовым воспитанием.

– Вот – все, что появилось вместо наших рыбок, – показал трусы Бальтазар.

– А почему ты все еще таскаешь их в кармане? – удивился Мельхиор.

– М-м-м... не знаю, – задумался Бальтазар, выкидывая нижнее белье за борт. – Плывите.

– Я думаю, неважно, виновны вы, или нет, – важно сказал Каспар, мерно кивая. – Я замерз и промок, поэтому я объявляю вас виновными. Властью, данной мне... э-э-э... о чем я сейчас говорил?

– Я согласен, – кивнул Бальтазар. – Кража должна быть наказана. Если вы не воры, то, по крайней мере, скупщики краденого.

– А значит, по Великому Магическому Закону теперь ваш корабль и все, что на нем находится, принадлежит нам! – радостно закончил Мельхиор.

– В том числе и вы сами, – дополнил Бальтазар.

– Чего-о-о-о?! – повысила голос Матильда Афанасьевна, толкая тощего старика в грудь. – Это вы, сморчки сушеные, меня...

Бальтазар с трудом удержался на ногах, изумленно посмотрел на пышнотелую мадам и указал на нее пальцем. Из-под длинного ногтя пошел черный дым. Матильда Афанасьевна закашлялась и отступила на пару шагов. Бальтазар удивленно потряс рукой возле уха, заглянул себе под ноготь и тоже закашлялся.

– Ну и что это такое?... – недовольно спросил он сам себя, справившись с кашлем. – Где огонь?... Почему только дым?... Опять где-то ошибся...

В следующий миг огонь все-таки появился. Длинный язык пламени вырвался из пальца старика и опалил ему брови. Бальтазар возмущенно взвизгнул и затряс рукой, разбрызгивая во все стороны огненные капельки.

Колобков посмотрел на слегка ошеломленную тещу, и на его лице начала расплываться довольная улыбка.

– Может, еще разок попробовать?... – любезно предложил он. – Матильда Афанасьевна, встаньте вот здесь, чтоб дедушке было удобнее. Вадик, отодвинься от бабушки, а то и тебе достанется!

– Я вам, Петр Иванович, не бабушка, мне всего шестьдесят четыре! – возмутилась теща.

– Два внука и две внучки – четыре раза бабушка, – ухмыльнулся Колобков. – Слушайте, деды, а что это за закон такой, по которому мы теперь ваша собственность? Это кто его придумал?

– Мы.

– Да, только что.

– И перед законом все равны!

– Э, нет, я так не согласен! – возмутился Петр Иванович.

– Он не согласен, – задумался Мельхиор. – А что же нам тогда делать?

– Наверное, то, что мы обычно делаем, – предположил Бальтазар.

– Выпить чаю?

– Нет...

– С сухариками?

– Нет...

– С лимоном?

– Нет...

– А по-моему, отличная идея! – вмешался Каспар. – Выпьем чаю с сухариками и лимоном!

– Без лимона! У меня от него глаза щиплет.

– Хорошо, без лимона. У кого чайник?

– Был у тебя. Куда ты его дел?

– Я так и знал – он его потерял!

– Наговор! Я отлично знаю, где он!

– И где?

– Остался в той лодке, которая утонула.

– Ну отлично, теперь мы еще и без чайника... Вот ты своей головой подумал, что мы будем делать без чайника?

– А может, наколдуем новый? Кто-нибудь помнит подходящее заклинание?

– Вроде бы у меня что-то есть... – наморщил лоб Мельхиор. – Давайте по счету...

– ...раз, – закончил Бальтазар. – Или кто-нибудь все-таки вспомнил, что идет между разом и тремя?

– Два, – рискнул сказать Сергей.

Волшебники счастливо заулыбались. Загадка века наконец-то получила долгожданное разрешение.

– Весьма благодарны, – кивнул Каспар. – Ты нам очень услужил, молодой человек. Не сделать ли нам тебе ответный подарок?

Мельхиор захлопал по бедрам, видимо, разыскивая карманы, но в его юбке они отсутствовали напрочь. Каспар снял колпак и потряхнул над палубой, однако оттуда вывалилась только дохлая крыса и несколько обрывков бумаги. А вот Бальтазар долго рылся по многочисленным карманам, кармашкам и карманчикам, но в конечном итоге все-таки извлек на белый свет огромную бронзовую шишку и золотую свистульку в виде чертика. Волшебник некоторое время переводил взгляд с одного предмета на другой, а потом протянул Сергею свистульку.

– Нам ее подарили давным-давно, – равнодушно заметил он. – Кажется, она магическая или что-то вроде того. У меня в карманах много мусора завалилось...

– Понятно, – медленно кивнул Чертанов, нерешительно засовывая свисток в карман. Он решил при случае выкинуть эту штуку за борт – мало ли какой пакости от нее можно ожидать?

– На этом корабле есть место, где я мог бы омыть телеса? – спросил Каспар, оглушительно чихая. – Мне также не помешал бы горячий чай с лимоном...

– Без лимона!

– Хорошо, без лимона. Но омыть телеса и высушить одеяние мне просто необходимо... А еще мне нужно в туалет... а, нет, уже не нужно.

– Зато вам нужно вымыть палубу, – любезно подсказал Мельхиор.

– Мы же, кажется, собирались наколдовать чайник? – припомнил Бальтазар. – Итак, по счету «три»! Раз... два... три!..

Волшебники одновременно взмахнули руками, выкрикивая невпопад какую-то тарабарщину. Гром, вспышка... и вот на палубе уже лежит совершенно новенький латунный чайник, похожий на те, из которых пили средневековые монголы.

Только сплюснутый до состояния лепешки.

– Ну и что это такое?.. – скептически прищурился Бальтазар. – Опять мы что-то перепутали?

– Думаю, в заклинании ошибка, – предположил Каспар.

– Да, не суждено нам сегодня выпить чайку... – загрустил Мельхиор. – Хотя у нас даже заварки нет...

– Неправда! – возмутился Каспар, вытряхивая из колпака кучу чайных листьев и почему-то баклажан. – А это что?

– Петя, они же все мокрые, – прошептала Зинаида Михайловна. – Простудятся ведь! А они даже нам с тобой в дедушки годятся!

– И что ты предлагаешь?.. – не понял Колобков. – Хотя ладно, тащи их в солярий, пусть дедки погреются. Эй, деды, ком цу мир!

– Это он нам? – посмотрел на него Бальтазар.

– Зовет куда-то... – задумался Мельхиор.

– Хррр-пс-пс-пс... – сказал Каспар.

Но в солярий их все-таки заманили. Пока Каспар нежил рыхлые телеса на лавке, а Мельхиор отмокал в бассейне, Бальтазар успел снова поругаться с Матильдой Афанасьевной. Та требовала, чтобы он немедленно снял «эти вонючие шмотки».

С двумя другими волшебниками проблем не возникло – Каспар из всего одеяния по-настоящему дорожил только волшебным колпаком, а Мельхиор вообще ограничивался самым минимумом. Зато Бальтазар всегда одевался очень пышно, обворачивая себя в несколько слоев материи, красил ногти и даже мазал сурьмой веки – так было принято на его далекой родине.

Но в конце концов его уговорили.

Зинаида Михайловна предложила старику вынуть вещи из карманов, а они пока все быстенько простирнут. Но, к удивлению жены и тещи Колобкова, вытаскивать ничего не потребовалось – все карманы и потайные отделения (а их в общем счете оказалось свыше семидесяти!) пребывали в девственной пустоте.

Еще вчера эти трое с их бесконечными фокусами вызвали бы у пассажиров «Чайки» настоящий шок. Но сегодня... сегодня они появились слишком поздно. Сначала странности со светом и гравитацией, отсутствие солнца и горизонта, чудачества компаса и средств связи, а в довершение всего – живой птеродактиль. Человек не может удивляться ежеминутно – когда чудес накапливается слишком много, каждое следующее смотрится обыденнее предыдущего.

Колобков и Грюнлау напоили стариканов пивом с охотничьими колбасками, прожарили в солярии и все это время безуспешно пытались выдавить из них какую-нибудь полезную информацию. На предмет того, где все они находятся, чем объяснить многочисленные несуразности, что деды делали в океане и кто они, собственно, такие, какие еще интересные фокусы знают, нельзя ли из всего этого поймать какую-нибудь выгоду (кроме сидящего в трюме птеродактиля со сломанными лапами) и когда можно будет вернуться обратно на родину.

Ответов они не получили.

Каспар, Бальтазар и Мельхиор вообще плохо понимали, чего от них хотят. Для них все выглядело чрезвычайно просто – им понадобилось плавсредство, они его наколдовали. Все. Люди на борту – всего лишь обязательное приложение. Кто-то же должен управлять этим судном и заботиться об удобствах благородных патриархов? Вот пускай и заботятся.

Единственное, чего удалось от них добиться – они направляются домой. И когда туда доберутся, нужда в «Чайке» отпадет. Где их дом? Воистину затруднительный вопрос...

Подумав, они припомнили, что вроде бы живут в заколдованной башне на необитаемом острове. Где этот остров? Ну и вопросы, один сложнее другого...

Кажется, у них троих есть кто-то, кто думает о таких мелочах – секретарь или что-то вроде этого. Где этот секретарь? Еще одна загадка...

Скорее всего, это не человек, а какое-то оккультное существо, некая нечисть. И чтобы воспользоваться его помощью, его сначала надо вызвать. Но как это сделать, они не помнят.

Хотя совсем недавно на глаза попался предмет, с помощью которого это делается... Только вот куда он подевался? Ну только что же держал в руках!

А Сергей тем временем задумчиво вертел в пальцах золотую свистульку, подаренную Бальтазаром...

«Чайка» медленно дрейфовала с приглушенным двигателем. Фабьев возился с эхолотом, промеряя глубину.

– Интересно, тут валун или хрящ? – спросил он сам у себя. – Черт его разберет...

Он никак не мог решить, становиться ли на якорь, или лучше не стоит. Потому что если дно покрыто большими валунами – рискуешь остаться без якоря. Зацепится за такую глыбу, и все, пиши пропало. А вот «хрящ» (гравий, битая галька) – это гораздо лучше. Якорь хорошо цепляется и без проблем вытаскивается.

А еще грунт мог оказаться илом, песком, глиной, ракушками, плитами, да мало ли чем?.. Океан чужой, незнакомый.

– Серый, ты что-нибудь во всем этом понимаешь? – спросил Угрюмченко, сидящий перед тазиком с гипсовым раствором.

Света, закусив нижнюю губу, листала медицинскую энциклопедию. Вообще, правила оказания первой помощи требуют обращаться с переломом в поликлинику, но шансы отыскать здесь таковую не слишком отличались от нуля. А механик не мог ходить с обычной перевязкой целый месяц – примерно столько срастается лучевая кость. Поэтому она решила попробовать наложить гипс самостоятельно, хотя опыта, конечно, не было.

– Чертовщина... – мрачно бормотал Фабьев. – Сплошная чертовщина...

– Да, точно, – пожал плечами Чертанов, машинально дуя в свисток.

Звука не последовало. Зато на палубе взметнулось облако багрово-красного дыма, и из него, чихая и тря слезящиеся глаза, выступила молоденькая девушка.

– Вот чертовщина... – совершенно равнодушно посмотрел на нее штурман.

Глава 4

– Пчихи!!! Пчихи!!! Пчихи!!! – оглушительно чихнула девушка. – Крылья Гавриила, как же я ненавижу эти дурацкие спецэффекты! У меня аллергия на дым!

– Правда? А у меня на собачью шерсть, – лениво сообщил Чертанов. – Привет.

Девушка посмотрела на безразличное лицо сисадмина, перевела взгляд на такие же лица Фабьева, Угрюмченко и Светы, а потом спросила:

– Вы что, уже познакомились с моими подопечными?

– С тремя сумасшедшими стариками? – уточнил Сергей. – Познакомились.

– Сразу видно. Если человек после знакомства с ними остается жив и не сходит с ума, его уже ничем не удивишь. Даже мной.

– Девчурка, тебя зовут-то как? – участливо спросил Угрюмченко. – Ты кем будешь?

– Стефания. Ударение на «а». Я... ну, я... я у этих стариков вроде как ангел-хранитель...

– Ты не очень-то похожа на ангела, – заметил Сергей.

– В самом деле, господин Большой Знаток? – сердито уперла руки в бока Стефания. – И на кого же я тогда похожа?

– Э-э... на черта.

– Это из-за рогов, да?.. Они всегда меня выдают, – угрюмо погладила правый рог девушка.

Без сомнения, Стефания была чертом. Багрово-красная кожа, небольшие изогнутые рожки, остроконечные уши, длинный тонкий хвост со стреловидным окончанием – кем еще может быть существо с такими приметами? Тошная, зеленоглазая, копна огненно-рыжих волос, зачесанных так, чтобы хоть отчасти маскировать рога. Не то чтобы красавица, но все же не лишена некоторого шарма. Одета в стиле хиппи семидесятых, легкие босоножки, ожерелье из дутых стекляшек.

– Я Сережа, – протянул руку Сергей. – Чертанов.

– Какое совпадение! – язвительно показала язык Стефания. Он у нее оказался раздвоенным, как у змеи. – Я тоже!.. что-то в этом роде.

– А разве у чертей не копыта? – задумчиво спросил Сергей, глядя на совершенно обычные ноги Стефании.

– Это у дьяволов, – сердито ответила та. – А я чертовка. Ладно, шутки в сторону, где мои подопечные? Почему этот свисток у тебя? Откуда вы тут взялись, на Эйкре? Вы ведь земляне, правильно? Раз я говорю по... по-русски, да?.. значит, вы русские. Все или большинство.

– Ух, сколько вопросов... – усмехнулся уголком рта Сергей. – Мы и сами тут, как ежи в тумане... Пьяные ежи в густом тумане.

– Не пьяные, к сожалению... – вздохнул механик. – Светулик, капни пенсионеру медицинского спиртику, а? Я же ранетый...

– Нельзя, – сурово отказала Светлана. – Папа не разрешает.

– А мы папе не скажем. Ну капни чуть-чуть, а?.. Мне же положено дезинфекцию сделать? Ну хоть на руку помажь – я не брезгливый, слизну.

– Уже поздно, – весело ответила Света, затягивая последний узел. – Все. Дядя Вася, может, мне на медфак пойти? Как считаете?

– А что – профессия нужная, – одобрил штурман. – Всегда пригодится.

Чертовка не стала терять зря времени. Она быстренько расспросила присутствующих о том, что произошло в этот знаменательный день, обегала всю яхту, познакомилась со всеми обитателями и убедилась, что ее подопечные живы и здоровы.

Впрочем, они ее не узнали.

Появление девушки-черта все воспринимали уже как-то... устало. Еще один шокирующий сюрприз? Ну и хрен с ним. Изумленно ахать всем надоело – так, вежливо поцокали языками, чтобы не обидеть. Человек удивляется чему-то новому только до тех пор, пока не осознает окончательно факт его существования.

К тому же Стефания совсем не выглядела страшной – самая обычная девчонка лет двадцати, только с рогами и хвостом. Надеть шляпу, спрятать хвост под платье и вообще никто ничего не заметит.

Правда, цвет кожи не совсем стандартный, но это уже мелочи.

Только Матильда Афанасьевна с надеждой спросила, не за ее ли зятем прибыли черти? А то давно пора. Петр Иванович не остался в долгу и ответил, что дорогую тещенку в Аду уж точно возьмут на самую ответственную должность – она же им явно родня!

Хотя Стефания такую родню признавать отказалась, и даже оскорбилась.

– Ладно, времени у меня не так много, так что давайте я сейчас отвечу на самые животрепещущие вопросы, и вы меня отпустите, – деловито предложила девушка, усаживаясь за картонный стол на полубаке.

На остальные места уселись Колобков, Сергей и Света. Гена с Валерой молчаливыми истуканами встали за спиной шефа. Гешка, Вадик и Оля устроились прямо на палубе. Грюнлау, Угрюмченко и Фабьев взяли себе дополнительные стулья. Зинаида Михайловна улеглась в свой шезлонг, хотя и досадливо морщилась – загорать при отсутствии солнца оказалось довольно затруднительным. Матильда Афанасьевна заявила, что ей все это неинтересно, и ушла на камбуз.

Ну а три волшебника вообще ни на что не обращали внимания. Им принесли три глубоких кожаных кресла из кают-компания, привинтили их к палубе, чтобы не слишком укачивало, и на этом забыли. Теперь они сидели у фальшборта, смотрели на море и о чем-то оживленно спорили. Похоже, продолжали обсуждать философскую дилемму, родившуюся во время купания.

В солярии Колобков и Грюнлау долго учили этих троих, что первого следует называть «Петр Иванович», а второго «герр доктор». Хотя на самом деле Грюнлау не имел даже отдаленного отношения к медицине и не был доктором каких-либо наук – ему просто нравилось, когда его так называли. Древние старцы ничего не поняли из того, что им объясняли, зато теперь у них появилась интересная тема для беседы – что же все-таки эти толстенные матросы имели в виду?

Но все остальные взгляды скрестились на Стефании. Особенно сильно пялились близнецы – все-таки увидеть живого черта удастся не каждый день.

– Я Стефания дель Морго, чертовка первого ранга, – официально представилась девушка.

– Ух ты, первого! – восхитился Колобков.

– Первый – это самый низший, – сухо пояснила Стефания. – Даже инфернарии-стражи стоят выше меня. Я живу в Первом Круге и занимаюсь всякой ерундой... вроде той, что сейчас.

– Вопросы задавать уже можно? – спросила Света, приготовившая блокнотик.

– Можно. И сразу отвечаю: да, я черт; да, настоящий; да, Ад существует; да, вы все в него попадете; да, Рай тоже существует, но туда кого попало не пускают; да, я умею громко шелкать хвостом.

– Хвостом? – не понял Сергей.

– А вы разве не собирались про это спросить? – озадаченно нахмурилась Стефания. Она встала, изогнулась и резко шелкнула хвостом в воздухе, издав звук пастушьего бича. – Вот про это?

Все молча замотали головами.

– Странно, а раньше всегда почему-то спрашивали... Хотя правда – почему? Ну ладно, тогда что вас интересует?

– Все, – твердо заявила Света.
– Тогда начинайте.
– Где мы?
– Вы на борту яхты, – ехидно ответила Стефания.
– К черту подробности! – отрубил Фабьев. – Это все еще Атлантика, или что-то другое?
– Это, бедные вы мои смертные людишки, архипелаг Кромаку, – скривила жалостливую улыбку чертовка. – А мир, в котором вы находитесь, называется Эйкром...

Стефания в нескольких словах изложила основные принципы структуры Метавселенной: она двенадцатимерна и состоит из бесконечного множества миров, которые могут быть как очень похожими на нашу Землю, так и абсолютно от нее отличаться. Имеется всего-навсего три правила, справедливых для всех миров без исключения: закон сохранения материи-энергии, единое направление временного потока (и, как следствие – невозможность путешествий в прошлое), круговорот бессмертных душ.

– Все ясно? – закончила она.

Света, бешено строчащая в блокноте, поставила точку и перелистала страницы туда, где составила список непонятных явлений.

– Что здесь с горизонтом? – начала она.

– Этот мир устроен не по космической системе, как ваш. Он плоский, как... как доска. Бесконечная в длину и ширину. Ну, это в теории – точно никто не знает. В высоту... я не помню точно, но что-то около ста миль.

– Каких миль? – сурово уточнил Фабьев. – Морских или сухопутных¹?

– А какая разница? Все равно вы ни до верха, ни до низа не доберетесь. Да и зачем? Вы сейчас точно посередине – уровень моря на Эйкре проходит по самому центру. Кстати, разницы в атмосферном давлении вы пока не заметили? Странно, оно тут сильнее... Правда, ненамного – тут есть еще один... фактор. Долго объяснять. Ну ладно, еще заметите – головы побоят, побоят...

– Подождите, подождите! – возмутилась Света. – Так не бывает! Так не может быть! Это же все физические законы побоку!

– Земные – да, – кивнула Стефания. – Я же говорю – другой мир, другие законы. Некоторые формулы и константы тут отличаются. К примеру, число Пи равняется трем и тринадцати сотым. И дальше еще бесконечная дробь. Проверьте, если хотите.

На лицах Сергея и Светы отразилось явственное недоверие. Остальные отнеслись к этой новости совершенно спокойно – часть присутствующих вообще не знала, что это за «Пи» такое, а остальные не помнили, чему оно равняется у нас на Земле.

– Ну, хорошо... – неохотно приняла такую модель мира Света. – А где солнце? Ой, хотя да, конечно...

– Ну да. И звезд тут тоже нет.

– А откуда же тогда свет и тепло?

– Мне тоже интересно, – поддержал дочь Колобков. – Тут как – ночь бывает? А то, может, лампочки все вывернуть, раз они нафиг не нужны?

– Понадобятся еще, – успокоила его Стефания. – Ночь тут бывает. Но вот это объяснить будет посложнее...

– Ну уж как-нибудь, – сложил руки на животе Петр Иванович. – Я-то не пойму, так вон Светочка поймет. И Серега у меня парень головастый, пять языков знает.

– Шесть, – машинально поправил его Чертанов.

Он еще не подозревал, что с недавнего времени стал, вероятно, лучшим переводчиком в истории человечества – магический эликсир сумасшедших волшебников, мгновенно убивший

¹ Морская миля равна 1852 м. (британская морская миля – 1853,18 м.). Сухопутная (американская) – 1609,34 м.

бы человека, менее одаренного в лингвистическом плане, наградил его чудесной способностью понимать любое наречие.

– Тепорий, – любезно сообщила Стефания. – Вся жизнь Эйкра зависит от тепория.

– А кто это? – тупо моргнул Сергей.

– Не «кто», а «что». Это природный элемент. Хотя нет, не совсем. В таблице Менделеева тепорий не впишется – ваша Вселенная его существования не предусматривает. Он не подчиняется обычным законам веществ – не охлаждается и не нагревается. Строго говоря, это даже не материя – скорее энергия. Но тоже не совсем. Нечто среднее между материей и энергией. И тоже не совсем – это еще отчасти и мана... хотя вы, конечно, не знаете, что это такое. На Эйкре тепорий всегда сопутствует кислороду – где один, там и другой. Так что и воздух, и вода Эйкра щедро насыщены тепорием. Вы прямо сейчас вдыхаете его, сами того не замечая.

– А это не вредно? – испугалась Зинаида Михайловна.

– Нет. Будучи промежуточным звеном между материей, энергией и маной, тепорий обеспечивает Эйкру свет и тепло. Его атомы... хотя у него это не совсем атомы, там все устроено совершенно по-другому. Тепорий – это и есть свет, только как бы... сгущенный. И его температура – константа. Семьдесят один градус по Цельсию. Если в воздухе или в воде его много, будет жарко. Если мало – прохладно. Если совсем мало – мороз. То же самое и с освещенностью – если тепория много, дни светлые и яркие, если мало – тусклые и сумрачные.

– И как же тогда смена дня и ночи?

– Тепорий светится не все время. Точнее, он вообще не светится – это ведь и есть свет, «плавающий» в воздухе. В общем, он работает циклично – некоторое время светит, потом потухает. Во время темного времени в тепории происходят... всякие реакции, и он восстанавливается. Я не знаю, как это объяснить быстро и понятно – это уже высшая физика. Даже вообще не физика – скорее уж магия. Поскольку вспышки и затухания происходят не мгновенно, а плавно, на Эйкре тоже есть утро и вечер. Полный оборот растраты-восстановления – сорок восемь часов. Это время обычно называют сутками.

– Такие длинные сутки? – уточнила Света, строча в блокнотике.

– Да. А понятия «год» на Эйкре, сами понимаете, нет. В большинстве мест климат постоянно один и тот же – а какой, зависит от насыщенности воздуха тепорием. Если подниматься вверх, концентрация сначала растёт, поэтому растения тут тоже тянутся вверх, как и на Земле, а потом начинает убывать – на очень большой высоте его совсем мало, так что там очень холодно. Но зато там он светится гораздо сильнее – гравитация ослабляет силу тепория, вдали от твердых объектов он работает лучше. Поэтому в комнатах все же не так светло, как на улице, а в самых глубоких пещерах вообще иногда бывает сумрак. Круговорот воды такой же, как на Земле – влага испаряется, пар поднимается вверх, превращается в облака, а из них изливается дождем, градом, снегом... Есть и ветра, теплые и холодные течения, огненные реки и вулканы, кристаллы вечной мерзлоты... Эйкр, знаете ли, живой мир, он разумен и сам себя контролирует. Поэтому на нем все происходит так, как того хочет он сам. Именно он и обеспечивает стабильную работу... самого себя. Ну все, с этим вопросом закончили, или дальше вам лекцию по физике читать? Я тороплюсь, давайте дальше!

– Весы, – сказал Угрюмченко.

– Компас, – одновременно с ним сказал Фабьев.

– Ну, весы – это просто. На Эйкре гравитация на восемь процентов меньше, чем на Земле... кстати, формула ее вычисления тут совсем другая. Сами понимаете, Эйкр – не планета. И с компасом то же самое – магнитного полюса здесь нет.

– А гирокомпас?

– Физика. Небольшое различие в физических законах... и гироскоп этой конструкции становится бесполезной игрушкой. Еще вопросы?

– Ну, со связью понятно... – грустно махнул рукой Чертанов. – И птеродактиль...

– Это называется «роскинг», – поправила Стефания, успевшая заглянуть в трюм и посмотреть на пленника. – Они в этих местах водятся редко – наверное, залетный с юга, из Юберии. На людей обычно не нападают – выбирают что помельче. Оголодал, наверное... Эйкр в миллиарды раз больше Земли, и всякой фауны тут – не сосчитать.

– Ладно, это все фигня, – заявил Колобков. – Вы, гражданка черт, лучше объясните, что это за пенсионеры и чего они к нам привязались! И как нам домой-то возвращаться!

– А! – явно обрадовалась вопросу Стефания. – Ну наконец-то самое главное! Постараюсь побыстрее, а то мне уже домой хочется...

– В Ад? – уточнил Сергей.

– Кому-то Ад, а кому-то дом... У этих, как вы говорите, пенсионеров тоже есть дом и они тоже хотят туда вернуться. Вот это и есть ваша основная проблема. Как я понимаю, пока меня не было, они решили совершить морскую прогулку. Лодка прохудилась, они начали тонуть и вызвали себе другую. То, что они волшебники, вы, надеюсь, уже поняли?

– Ага, – рассеянно ответил Колобков. – А чего они говорили, что я у них шлюпку какую-то украл?

– Ну, вот этот баркас и правда раньше принадлежал им. Откуда вы его взяли... м-да, вам лучше знать. Но, похоже, все ваши неприятности именно из-за него...

Петр Иванович надулся и помрачнел, как грозовая туча. А он-то, наивный, еще радовался такому щедрому подарку от старого друга!

– Они все очень-очень-очень старые, – скороговоркой начала рассказывать чертовка. – И все с Земли, как и вы. Бородатый родился в 651 году до нашей эры где-то там, где сейчас Финляндия. Настоящее имя – Калеванпойка. Лысый – китаец, родился в 606 до нашей эры, по-настоящему зовут Гуншу Бань. А кудрявый – африканец, из народа ашанти, родился в 604 до нашей эры, по-настоящему зовут Окомфо Аноче.

– Им по две с половиной тысячи лет? – тихо спросила Света, невольно оборачиваясь к мирно беседующим старикам.

Хотя сейчас они беседовали не слишком мирно – шло весьма бурное обсуждение чего-то важного. Настолько бурное, что уже дошло до рукоприкладства. Дрались стариканы, как девочки-школьницы – часто-часто хлопали друг друга ладошками куда попало.

– А, они все время из-за чего-нибудь спорят, – отмахнулась Стефания, когда ей на это указали. – Когда-то были великими... величайшими! Но это было очень давно. А теперь старые, как египетские пирамиды, в голове сплошные тараканы. У бородатого энурез и нарколепсия, у лысого паранойя, артрит и повышенная сварливость, кудрявый периодически впадает в детство и страдает радикулитом... А маказм и склероз у всех троих. У них такой букет болезней, что они до сих пор живы только потому, что каждый напичкан магией по самые уши. Сильному волшебнику очень трудно умереть – чем могущественнее, тем дольше живет. Так, так, дальше... В общем, впервые они встретились в нулевом году – когда одновременно явились на место, в котором произошло одно хорошо всем известное событие. Там и познакомились, и с тех пор везде шляются вместе. Сменили множество имен: Авимелех, Охозат и Фикол... Гормизд, Яздегерд и Пероз... сейчас они Каспар, Бальтазар и Мельхиор. Примерно полтора года назад перебрались на Эйкр – думаю, сами не помнят, зачем им это понадобилось. Я за ними приглядываю всего лет двадцать. И то они меня за это время вызывали раза три, не больше.

– А почему ты за ними... ну... – помешкал Чертанов, не зная, как поделкатнее задать вопрос.

– Сама виновата, – надулась Стефания. – Я действительно была когда-то ангелом. А потом сделала кое-что нехорошее... нет, не скажу, и не надейтесь. В общем, меня скинули в Ад, а как дополнительное наказание – поручили этих троих. У них все-таки были в свое время кое-какие заслуги перед моими бывшими боссами... Работенка непыльная, только раздражает

здорово. Они меня вызывали не когда действительно были проблемы, а когда находили этот свисток и пытались вспомнить, что это за предмет.

– Ладно, черт с ними!.. – поморщился Колобков.

– Да, с ними. Уже двадцать лет с ними, – ехидно прищурилась чертовка. – Между прочим, нам, чертям, неприятно, когда нас используют вместо ругательств. Слышали такое – не поминай черта, а то явится! Раньше и правда иногда являлись. А потом надоело – все время кто-то поминает! Замучаешься каждый раз являться! Хотя зато души скупать легко стало – сейчас в это никто не верит... К любому подойди, предложи – продай душу за «Мерседес»! И ведь согласится!

– За «Мерседес»? – заинтересовался Колобков. – А торг уместен? Мне «Мерседес» – мелко, у меня «Майбах»! Вот если бы виллу где-нибудь на Мальте... У меня на Кипре одна есть, но мне этот остров че-то не нравится – больно наших там много развелось... Даже за границей от них не продохнешь!

– Петя, даже не думай! – пихнула его в бок жена. – Зачем ты мне такой нужен – без души?

Стефания, уже вытащившая из кармана тоненький свиток и остро наточенное перо с красной каплей на конце, разочарованно убрала эти принадлежности обратно.

– Но если кто надумает – всегда пожалуйста, – напомнила она. – В любое время дня и ночи.

– Слушайте, гражданка черт, а что нам делать-то теперь? – напомнил Колобков.

– А что?.. Просто подвезите их до дому – тут не так уж далеко. Миль сто-сто двадцать, не больше.

– А каких...

– Двести километров! – раздраженно перешла на метрическую систему Стефания. – Если постараетесь, еще до вечера успеете.

– А как же я пойду – без карт, без компаса? – саркастично осведомился Фабьев.

Чертовка задумчиво пожевала губами, а потом подошла к трем старикам и о чем-то спросила. Всего через минуту волшебники заметили, что с ними кто-то говорит. Еще через минуту – вспомнили, что в таких случаях полагается отвечать.

В общем, не прошло и десяти минут, как она все-таки добилась от них того, чего доби-
валась.

– Вот, – отдуваясь, бухнула на стол толстенный фолиант Мельхиора она. – Здесь есть все карты. Сейчас... сейчас... ага!..

Она пролистала до нужного места и тут же вырвала из книги страницу, оказавшуюся весьма точной и подробной картой большого архипелага.

В книге тут же выросла новая, точно такая же.

– А это разве не словарь? – жадно потянула руки к книге Света.

– Это Орто Матезис Сцентия, Великая Книга Знаний, – рассеянно ответила Стефания, проглядывая карту. – Тут есть любая информация о чем угодно... если, конечно, умеешь пользоваться.

– А можно посмотреть?.. – с надеждой спросила круглая отличница.

– Нет, это мое, – ответил Мельхиор, возвращая волшебную книгу себе за ухо.

– Думаю, мы где-то вот здесь... – не очень уверенно ткнула пальцем в бумагу чертовка. – А вот – остров Волхвов, там они и живут.

– Что это за филькина грамота? – нахмурился Фабьев, принимая карту. – Нормальная морская карта составляется в меркаторской проекции. А тут даже простого масштаба нет! Как я по этой туфте пойду? Проще уж сразу кингстоны открыть, чтоб не возиться!

– Василь Василич, ну не ворчи... – вздохнул Колобков. – Бери уж, что дают...

– Петр Иванович, но это ж не дело! – не сдавался штурман. – Где мы сейчас находимся?..

– Тут, – снова ткнула пальцем чертовка.

– Ту-у-ут! – передразнил ее Фабьев. – И что это за отметка такая – тут? Знаешь, почему мы, штурманы, точим карандаши так, чтоб острее иглы были? Да потому, что даже просто жирная точка – уже неопределенность! А пальцы у вас, дамочка, хоть и тоненькие, да все равно потолще карандаша! Смотри, островок какой маленький – раз-два, и промахнулся! Отметки непонятные, не наши. Написано не по-русски. Я и по-английски читаю, и по-немецки пару слов пойму, но тут вообще какие-то ероглифы! Ах да, у меня же и компаса нет! – спохватился он. – В какую сторону идти-то? На глазок? Дома еще по солнцу можно было бы, по звездам на худой конец... А здесь как? Не, господа хорошие, это не дело, мы так только горючку зря пожжем!

– А, компас... – вспомнила Стефания. – Учитель Фугодаши, у вас не найдется лишней иголки?

Бальтазар, к которому она обращалась, почесал лысину, порылся в карманах и извлек длинную иглу из странного металла, подвешенную на ниточке.

– Это... компас? – недоверчиво спросил Фабьев, крутя иглу в пальцах. Она упорно поворачивалась острием в одном и том же направлении.

– Это хриспандровая иголка.

– Какая-какая?

– Считайте, что заговоренная. А то замучаюсь объяснять. Она всегда показывает вон туда, – вытянула руку чертовка. – Простенькое, но очень полезное волшебство – тут такие штучки на каждом шагу встречаются. На картах это направление всегда наверху – считайте, что север.

– А что там? Как это действует? – жадно спросила Света.

– Откуда я знаю? – пожала плечами девушка. – Если я демон-справочник, так я что – все обязана знать?! Действует и действует, чего еще надо? Все, давайте прощаться. Подбросьте их до дому, и сами домой вернетесь. У них в башне стоит портал на Землю. Надеюсь, на этот раз получится... Сами видите, как у них все выходит – всегда что-нибудь не приведи Господь... тьфу-тьфу, опять всякую гадость поминаю... Как была ангелом, так с тех пор и не отучусь никак! – пожаловалась она. – Ну, в общем, ваш путь домой лежит через их башню, понятно?

– Что-то мне таксистом неохота... – лениво откинулся на стуле Колобков. – Мне расходы кто-нибудь оплатит? Горючее, кормежку, каюту, износ палубы, потерянное время, испорченный круиз... Моральный ущерб треба возместить!

– У них подвал завален мешками с алмазами, – ласково сказала Стефания. – И им они совсем не нужны. Обещаю – если вы возьмете в награду центнер-другой, возражать не станут.

– Хы!.. Хы!.. А!.. Кх-х-х-кх-хх... – закашлялся Колобков, расширяя глаза до размеров блюдец. – Скокх... скхолько?! Ху... ху... ху... я спокоен, я спокоен... я глубоко дышу, я расслабился... Гражданка черт, можете мной располагать. Василь Василич, заводи свою машину – доставим пенсионеров по адресу! Петрович, раскочегаривай дизель – извини, болеть теперь некогда. Вернемся, я тебе руку сделаю, как у Никулина – бриллиантовую! А пока – извиняй...

– Меня обратно отправьте, – напомнила Стефания.

– А что – держит кто-то? – удивился Колобков.

– Я сама не умею, – сердито сообщила чертовка. – Я самая младшая в ранге, никакой магией не владею. Свистните снова в этот ангельский свисток! Ну?!

– Серега, не заставляй женщину ждать, – строго приказал Петр Иванович.

Чертанов послушно дунул в свисток, и Стефания растворилась в воздухе. На этот раз – без вспышки, бесследно.

– Так, деды... – потер ладони Колобков, взирая на старичков уже совсем другими глазами. – Бриллиантовые вы мои... Вот, Матильда Афанасьевна, учитеесь! Если б вы свою пенсию не фукали на всякую ерунду, а спокойно складывали в чулочек, глядишь, за тыщу лет тоже на алмазную комнату скопили бы!

– А вы, Петр Иванович, меня не учите, не учите! – встала на дыбы теща. – Вы свои капиталы у народа наворовали, государство обокрали! Ничего, уже налоговая-то вами займется, посадят, как миленького!

– Вашими заботами!.. – издевательски поклонился зять. – Думаете, я не знаю, кто на меня каждую неделю кляузы налоговикам строчит? И что? Нету ничего, прокля... уважаемая Матильда Афанасьевна! Вы б хоть думали иногда – если меня посадя, кто вас с дочкой и внуками кормить-то станет? Зинку вы к труду совсем не приучили, а Светка пока-то еще институт закончит...

– Петя! – возмутилась жена.

– А что – неправда, что ли? – покосился на нее муж.

– Слушайте, а я это понимаю! – вдруг воскликнул Сергей, пялящийся на карту. – Вот, смотрите – остров Волхвов, Юберия, Черные острова, остров Цепь...

– Молодец, Серега, полиглот! – одобрил Колобков. – Не зря, значит, в институте корячился... Видите, охламоны, есть польза от образования!

– Да, но я этого языка не учил... – непонимающе посмотрел на него Чертанов.

– Чего? – оторвался от воспитания близнецов Петр Иванович. – А откуда тогда знаешь?

– Это наш эликсир, – любезно сообщил Каспар.

– Да, теперь ты можешь понимать и говорить на любом языке, – кивнул Мельхиор.

– Но если вдруг почувствуешь себя плохо, сразу иди к борту, – заботливо посоветовал Бальтазар.

– А что? – испугался Чертанов.

– С непривычки этот эликсир может вызывать тошноту, зуд, жжение, чесотку, сыпь, опухание щитовидной железы...

– Какой-какой железы? – нахмурился Каспар.

– Щитовидной.

– Такой не бывает, ты ее сам придумал.

– Ничего подобного, бывает!

– Давайте посмотрим в словаре, – вытащил книгу из-за уха Мельхиор. – Же... желе... о, желе!

– Ищи дальше, желе нам не нужно.

– Возражаю! – возмутился Каспар. – Как это не нужно? Желе нам нужно! Где оно?

– У меня только пудинг... – вытащил из кармана слипшуюся массу Бальтазар. – Пудинг хочешь?

– Немедленно убери эту гадость, или я засуну ее... э-э-э... никто не помнит, куда я... э-э-э... а о чем мы вообще говорим?

– Петя, ты уверен, что мешок бриллиантов этого стоит? – с сомнением шепнула мужу на ухо Зинаида Михайловна.

– Уже не очень...

Глава 5

«Чайка» неслась на восток, делая полные пятнадцать узлов, а сердитый Василий Васильевич в рубке корячился с допотопными средствами навигации – примитивной картой и хриспандровой иглой вместо компаса. Ему было трудно и неудобно. Он поставил рулевым Валеру, а сам вместе с Чертановым засел за навигацию. Опытный компьютерщик был единственным человеком на борту, что-то знавшим об этой мудреной науке.

Кроме самого Фабьева, разумеется.

Гена безуспешно пытался набрать воды из-за борта. Причем совершенно бессмысленно – на «Чайке» стояли обратно осмотические опреснительные установки РР-4000, способные выдавать по шестьсот литров пресной воды в час. Мощный бустерный насос работал почти бесшумно, а электронный цифровой дисплей позволял управляться со всей этой машинерией даже Оле. Так что ведро на канате находилось здесь просто для порядка – положено по уставу.

К сожалению, Матильде Афанасьевне захотелось принять ножную ванну в морской воде. Прямо сейчас.

Гена ужасно мучался. Поколотить кого-нибудь – это он всегда пожалуйста. Сломать что-нибудь – еще проще. Но в морском деле он почти ничего не понимал. Только как держать руль по нужному курсу – это в них Фабьев все-таки вдолбил. Но набирать воду он их не учил...

Могучий телохранитель снял темные очки, протер их и надел обратно. Потом снова бросил ведро в воду. И его тут же потянуло к корме натянувшейся веревкой. Прокачанные бицепсы вздулись, с трудом удерживая ведро, захваченное течением. А потом оно выскочило на поверхность, несколько раз подпрыгнуло в воздухе и, наконец-то, ослабло. Гена вынул ведро и тяжело вздохнул – воды он достал стакана на полтора, не больше. Он терпеливо перелил ее в другое ведро, и размахнулся в пятый раз...

– Эй, мазут! – рявкнул штурман, все-таки не выдержавший такой неумелости. – Крыса береговая! Метай ведро **вперед!** Вперед, по ходу судна! А когда оно, полное, подойдет к тебе, одним рывком выдерни! Только осторожно! Понял, мазут?!

Гена послушно кивнул и сделал, как сказал Фабьев. На широком добродушном лице расплылась счастливая улыбка – на этот раз все получилось удивительно легко. Валера за штурвалом показал напарнику оттопыренный большой палец и радостно гоготнул.

– Ну вот как тут работать? – ворчал штурман, чертя циркулем дугу. – Компаса нет, автопрокладчик накрылся...

– Так у нас же теперь этот есть... волшебный... – показал на раскачивающуюся иглоку Чертанов.

– А толку-то? К автопрокладчику же его не подключишь, верно? А на этой, с позволения сказать, карте даже масштаба нет. Ну вот он – островок. А какого он размера? Пять миль?.. десять?.. двадцать?.. Береговой линии и в помине нет – может, там сплошные рифы! Не, это не дело...

– Можно высчитать масштаб... приблизительно. Стефания сказала, что отсюда до острова миль сто-сто двадцать...

– Правильно, плюс-минус двадцать миль – это для нас уже не расстояние, – устало хмыкнул Фабьев. – Эх, Сережка, вот ты парень умный, образованный, языки знаешь, а все равно мазут сухопутный... На флоте уже **одна** миля – это недопустимая погрешность! Ты думаешь, Иваныч меня просто так тут главным назначил? Нет, он мужик неглупый, знает, что сам эту красавицу загробит... – штурман любовно погладил переборку. – А сколько эта посудина стоит, прикинь? Тут на миллионы счет идет...

– Но ведь приблизительно можно? – настаивал Сергей. – Отсюда и до...

– Отсюда? Откуда – отсюда? У этой чертовой девки... чтоб ей в ее пекле икалось погромче... палец в десять раз толще этого острова! Хорошо хоть, не Иваныч показывал – у него они вообще как сосиски... Вот, смотри, я кружок нарисовал – мы где-то в нем. А вот остров. Диаметр острова в десять раз меньше диаметра кружка. Нет, Сережка, с такими ценными навигационными данными мы дня два будем кругаями ходить... Меня на этом... как она сказала?..

– Эйкре.

– Ну да. Меня на этом Экре только одно радует – без горизонта по морю ходить проще. Если бинокль помощнее взять, любой остров из тако-о-ой дали разглядишь... А у меня как раз самый мощный. Слушай, не в службу, а в дружбу – приведи сюда хозяйских пацанов? Они тут все равно задницы зря протирают, от скуки уже с ахтерштевня свисают. Пусть делом займутся – у меня-то уж глаза не те... Да и не по чину штурману за впередсмотрящего работать – на то юнга есть.

– А Петр Иваныч против не будет, что вы его детей эксплуатируете?

– Разрешаю! – вошел Колобков. Словно специально ждал за дверью. – Даже где-то одобряю! Я своему батюшке уже в четыре года в автомастерской помогал! А эти – лодыри, даже матери за хлебом не ходят! Только и знают пуза отращивать, да в телик пялиться!

Чертанов и Фабьев как по команде уставились на объемистый животик самого Петра Ивановича. Тот смущенно закричал и попытался его втянуть. Не получилось – девяносто пять килограмм при росте в сто шестьдесят пять так просто не спрячешь.

– Василь Васильич, а вы чего тут – даже курс не определили? – наморщил нос Колобков. – А куда ж мы плывем тогда?

– Пока идем на восток, – пожал плечами Фабьев. – Скоро будем поворачивать южнее. Общее направление мы, в принципе, знаем, вот и поставлю ваших хулиганов с биноклями. Тут в округе остров только один – найдем как-нибудь. Тем более горизонта нет, проще будет.

– Я чего-то не пойму, – почесал лоб Колобков. – Серега, ты ж программист – ну и сделай какую-нибудь программу, чтоб курс нашла! Чего, трудно?

– Петр Иваныч, я не программист, я сисадмин.

– Погодь-ка. Ты у меня в платежной ведомости кем числишься?

– Системным администратором и числюсь.

– Это еще что за ботва такая?

– Это тот, кто следит, чтобы компьютеры работали без сбоев.

– Ну, программист, – уверенно заявил Колобков.

– Нет. Совершенно другое.

– Серега, ты меня не путай. Ты компьютерщик?

– Компьютерщик.

– Компьютерщик и программист – это одно и то же?

– Нет.

– Как это?

– Петр Иваныч... – задумался, как бы объяснить подходчивее, Чертанов. – Вот вы раньше кем работали? При советском строе?

– Крановщиком! – гордо выпятил живот Колобков. Вообще-то, он пытался выпятить грудь, но живот победил.

– Крановщик – это строитель?

– Спрашиваешь!

– А еще есть... ну, допустим, штукатур. Штукатур – это ведь тоже строитель?

– Конечно.

– Ну вот. Крановщик – строитель, и штукатур – строитель. Но это совсем разные профессии. Правильно ведь? Вот так и программист с сисадмином – оба компьютерщики, конечно, но занимаются совсем разными вещами.

Колобков задумался. А потом спросил:

– Так в чем разница-то?

– М-м-м... Ну, как между крановщиком и штукатуром, – вывернулся Сергей.

– Серега, а я, если надо, и штукатурить могу! – заявил Петр Иванович, еще немного подумав. – Я и на экскаваторе работал, и на бульдозере, и стекольщиком, и кирпичи клал, и все, что хочешь! На стройке если ты чего не умеешь – на хрен ты такой нужен? Я на своем КБ-405 знаешь что выделял? Человека мог крюком за шиворот подцепить и поднять без единой травмы! А ты почему программы составлять не умеешь? Я тебе за что деньги плачу?!

– Я у вас еще и переводчик, – пробурчал Чертанов. – Бесплатно.

– Так тут я и не спорю – переводчик ты хороший. А программу Василь Василичу все равно составь.

Сергей мрачно уставился на шефа. Нет, он свободно мог работать в «Паскале», «Ассемблере», да и «Си++» знал от и до. Но это ж надо придумать такую задачку – составь программу, чтобы автоматически прокладывала курс в совершенно незнакомом мире, опираясь только на волшебную иголку и крайне неточную карту без масштаба и координатной сетки.

Интересно, шеф вообще представляет, о чем просит?

А если учесть, что на колобковских компьютерах из всех рабочих программ есть только урезанный пакет «Microsoft Office», задача усложняется вдвойне. Ну откуда же Чертанов мог знать, что понадобится! А даже если бы вдруг и понадобилось – он всегда мог скачать себе что-нибудь этакое из Интернета.

Вот только теперь его нету...

– Не кривляйся, Серега, работай, – приказал шеф. – Давай, давай, шевели ручонками, не отлынивай. Может, мне вам Светку в помощь прислать? Вы не смотрите, что ей всего семнадцать!.. а кстати, где она?

– На полубаке, со стариками, – кивнул в ту сторону Фабьев, зажигая папиросу. – Ты, Иваныч, дочку зря не тревожь – может, она чего полезного у них узнает.

Светлана тоже на это надеялась. Она терпеливо выспрашивала Каспара, Бальтазара и Мельхиора обо всем подряд, заполняя страничку за страничкой.

Только вот полезной информации пока что не попадалось...

– И тогда я достал из печи жареного тетерева, – рассказывал Каспар. – О-о-о, это была очень вкусная птица! Мы называли ее «каменной птицей»...

– Почему? – перебила его Света.

– Э-э-э?... – нахмурился Каспар. Он уже забыл, о чем только что говорил. – Что тебе, девочка?

– Хочешь конфету? – предложил Бальтазар, копаясь в карманах. – Вот, возьми.

– Это не конфета... – смущенно приняла угощение Света. – Это кусок янтаря. А в нем – скорпиончик...

– Кушай на здоровье... – благодушно закивал Бальтазар.

– Спасибо, но...

– Кушай, тебе говорят! – зарычал старый китаец.

– Не кричи на эту малютку! Может, у нее алеррр... интересно, как это слово пишется?... – углубился в свой словарь Мельхиор.

– Не хочешь конфету? Давай посмотрим, может, у меня найдется что-нибудь получше... – задумчиво потрянул колпак над палубой Каспар. – О, кое-что есть...

– Пирожок! – облизнулся Мельхиор, закрывая книгу. – С мясом!

– Это не пирожок, это черепаха, – поправила его Света. – Живая...

– Пирожок... – не слушая ее, схватил несчастную черепаху старик. Он откусил кусок панциря с такой легкостью, как будто вместо зубов таскал во рту чистые алмазы. – М-м-м, вкусно...

– Поделись! – выхватил у него рептилию Бальтазар. – Я тоже хочу!

– Эй, молокососы, это же мой пирожок... хррр... хррр...

Бальтазар и Мельхиор некоторое время вырывали друг у друга бедную зверюшку, пока Света не улучила момент и не выдернула у них «пирожок». Укус Мельхиора оставил в панцире уродливую выбоину, но в остальном черепаха не пострадала.

– Отдам Оле... – решила девочка.

– Что?! – возмутился Бальтазар. – Мой пирожок?! Проснись, старый дурак, нас грабят!

– Ахррр... что?! Я не сплю, не сплю! Требую немедленно объяснить, что здесь происходит! Нет, молодежь определенно портится – мы в свое время так себя не вели!

По палубе промчались Гешка с Вадиком. Они играли в кошки-мышки и топотали, как стадо африканских слонов. Мельхиор уже просился поиграть с ними, но его не приняли – мальчишки не верили, что дряхлый старец сможет составить достойную конкуренцию.

Хотя он мог.

– Колобковы-младшие! – крикнул Сергей, спускаясь из ходовой рубки. – Вас папа зовет!

– Да ну-у-у... – заныли близнецы.

– Да мне-то что, не ходите, – пожал плечами Чертанов.

– Ну и не пойдем.

– Ну и не ходите.

Сергей и мальчишки уставились друг на друга притворно равнодушными глазами. Но близнецы не выдержали первыми – ворча на надоедливую папашу, они поплелись к лестнице. Петр Иванович, в обычное время смешливый и добродушный, превращался в беспощадного деспота, когда подчиненные неосторожно игнорировали его пожелания. А то, что дети до наступления совершеннолетия (да и после него) подчинены родителям, он считал само собой разумеющимся.

– Свет, ты бы тоже увела этих пенсионеров под крышу, – посоветовал Чертанов. – В кают-компанию или еще куда...

– Почему? – забеспокоилась девушка.

– Василь Василич говорит, ураган скоро.

– Так небо вроде чистое?..

– А вон, видишь, те, маленькие, мчатся как быстро? Это перистые облака – они всегда появляются перед бурей.

– Буря? – оживился Мельхиор. – Чую, чую, грянет буря! И над миром распрострут крылья ветра! Взвихрится, задует, заволнуется синее море!..

– Заткнись! – шлепнул его по кудрявой голове Бальтазар. – Юноша, срочно устрой нам укрытие – моим костям вредно находиться на холоде и дожде!

– Да, промокнуть мы не хотим, – согласно закивал Каспар. – И вот еще что, молодой человек – добудь-ка мне чего-нибудь попить. Лучше всего хорошего винца.

– Тебе нельзя много пить, ты опять намочишь мантию.

– Наговор! – возмутился Каспар. – Я пью очень осторожно! Я еще ни разу не пролил ни капли! Или ты хочешь сказать, что у меня дрожат руки?!

– Ты намочишь ее уже **после** того, как попьешь, – холодно заявил Бальтазар. – Давай приготовим тебе лекарство от недержания?

– Ты уже готовил его в прошлом центуме², – напомнил Мельхиор.

² Центум – сто суток, эйкрийская мера времени (0,55 земного года). Поскольку у этого мира нет небесных светил, единственный способ измерения времени для них – отсчитывать кругообороты светимости тепория. Кроме центумов используются

– Да, хорошо, что мы решили сначала попробовать его на кролике, – затряс бородой Каспар.

– А что случилось? – заинтересовалась Света.

– Сначала у кролика выросли четыре новых ноги, а потом он просто вспух и лопнул.

– Я говорил, что этот эликсир только для людей, – заворчал Бальтазар. – На кроликов не действует.

– Мы попробовали и на человеке, – снова напомнил Мельхиор. – На том бродяге, помнишь?

– А что случилось с бродягой?.. – приготовилась к худшему Света.

– Не знаем. Он выпил, а потом побежал и прыгнул в пропасть. С тех пор мы его не видели.

– Надо было все-таки проверить еще раз... – не переставал ворчать Бальтазар. – У эликсиров всегда бывают побочные эффекты...

– Да, Свет, меня и правда что-то знобит... – поежился Чертанов. С тех пор, как он выпил волшебный эликсир, организм все больше и больше расстраивался. Постоянно бил озноб и раскалывалась голова. Сергей очень надеялся, что это все-таки когда-нибудь прекратится – ужасно не хотелось платить за универсальные переводческие способности так дорого. – Дай мне таблеток каких-нибудь, а?

– Опишите подробно симптомы, Сергей Витальевич, – строго приказала Света, заведовавшая на «Чайке» маленьким лазаретом. – Если это что-то бактериальное, надо принять гентамицин или тетрациклин, а если вирусное – амантадин. А если просто сильная боль, то лучше всего обычный аспирин.

– Чепуха! – заявил Бальтазар. – Лучше всего применить шиацу³! Я когда-то был великим мастером шиацу!

– Только однажды продавил пациенту череп насквозь, – напомнил Мельхиор. – Лучше давайте просто вылечим его волшебным способом.

– Шиацу – это и есть магия! – настаивал Бальтазар.

– Магия – это когда кругом огни, все подряд превращается во что-нибудь другое, а на шум заглядывают демоны, – заявил Каспар. – Вот что я называю настоящей магией! Помню, в прошлый раз демон хотел одолжить у меня сахарку... Здоровый такой, толстый, красный, с рогами...

– Так он только сахарку хотел?! – поразился Мельхиор. – Да, тогда, конечно, не стоило бить его палкой...

– Еще как стоило! – возмутился Бальтазар. – Мы никому не позволим безнаказанно одалживать у нас сахар!

– Знаете, я лучше все-таки таблетку выпью, – покачал головой Чертанов.

– Пожалуйста, пожалуйста, если вы упорно желаете применять непроверенные антинаучные методы... – обиделся Каспар. – По мне, так нет ничего лучше хорошего заклинания.

Очень скоро действительно разразился шторм. Ветер задул с такой силой, что стало трудно передвигаться по палубе. Матильда Афанасьевна торопливо хлопотала на носу, убирая шезлонги, забытые легкомысленной дочерью. Едва она уволокла последний и захлопнула за собой дверь, налетел особо сильный порыв, вполне способный унести в море даже даму ее габаритов.

Наблюдавший за этим из ходовой рубки Колобков горестно вздохнул.

Водная гладь перестала быть гладью. По ней шли суровые седые валы. Ветер ярился, мча по небу клочья облаков и играя «Чайкой», как щепкой. Фабьев прогнал от штурвала Гену и

квентумы (пять суток), дектумы (десять суток), вигентумы (двадцать суток), квинкагентумы (пятьдесят суток) и миллентумы (тысяча суток).

³ Шиацу – древне-японский массаж пальцами, в котором важную роль играют определенные точки, лежащие на меридианах тела и используемые для контроля энергетического потока.

встал за него сам. Уверенные руки опытного штурмана вели роскошную яхту по этому океану другого мира с той же легкостью, что и по изведанным морям Земли. Глаза то и дело привычно падали на компас, автопрокладчик, экран спутниковой навигации, но тут же разочарованно перебирались к висящей над штурвалом хриспандровой иголке, твердо указывающей в одну и ту же сторону.

– Ух, как бушует! – заглянул в иллюминатор Колобков. – Не потонем, Василь Василич?

– Иваныч, пошел к черту из моей рубки!!! – зарычал на него Фабьев. – Не до тебя!

Колобков трусливо ретировался. В такие минуты тихий штурман в отставке превращался в бешеного зверя. Вполне мог и в ухо заехать.

Шторм бушевал несколько часов. Девять баллов переросли в десять, а затем и в одиннадцать. На палубу никто не выходил – волны перехлестывали через борта. «Чайку» несло по воле стихии, как бумажный кораблик. Но великолепное судно, разработанное калифорнийскими инженерами и построенное на голландских судостроительных верфях, вновь подтвердило, что стоит своих денег с лихвой. Да и Василий Васильевич за свою зарплату выкладывался по полной. На суровом обветренном лице играла счастливая улыбка – ради таких минут он жил.

К ночи волнение утихло. Хотя увидел это один только Фабьев – все остальные давно уже спали, не обращая внимания на качку. Очень уж длинные сутки на Эйкре – организмы, привыкшие к земным двадцати четырехчасовым циклам, не могли сходу перестроиться.

Чудесный элемент тепорий светился все слабее и слабее. Штурман включил прожектор – узкий сноп белого огня прочертил непроглядную тьму, устремляясь в бесконечную даль. Фабьев начал медленно поворачивать его из стороны в сторону – не мелькнет ли где клочок суши? Однако шторм окончательно спутал и без того очень приблизительный курс – теперь догадаться, где в этом океане затаился остров Волхвов, стало еще труднее.

К середине ночи пассажиры «Чайки» начали просыпаться. Хотя до рассвета еще оставалось больше двенадцати часов. За обеденным столом все чувствовали себя ужасно неловко – никто не привык завтракать, когда за иллюминаторами царит беспросветная мгла. Ее отчасти рассеивали только легкие зарницы высоко в небе – большие сгустки тепория, находясь в темной фазе, иногда вспыхивали на какой-то миг.

– Серега, а я вот вчера насчет штукатура не понял, – вернулся к запавшей в душу теме Колобков. – Что общего-то?

– Совершенно ничего... – равнодушно ответил Чертанов, ковыряя холодную овсянку.

Дизельный генератор после шторма забарахлил, и завтрак остался наполовину сырым. Угрюмченко уже целый час копался в его недрах, но с одной рукой ему приходилось нелегко. Правда, Колобков выдал ему в полное распоряжение Вадика с Гешкой – все-таки по труду у близнецов были пятерки. А школьный трудовик гонял своих подопечных самым суровым образом.

Впрочем, Петрович ему ничем не уступал.

– Щетка сломалась... – ворчал механик, стараясь встать на четвереньки так, чтобы не побеспокоить загипсованную руку. – Кабель прохудился... Шов разошелся... Ты, тот, что потолще, дай-ка сварку.

– Это он тебе, – заявил Вадик.

– Нет, тебе, – отпарировал Гешка.

– Сварку!

– Ты толще!

– Ни фиги, ты!

– Сварку!

– Я с Нового Года на два кило похудел!

– А я на три!

– Сварку!!!

– Да ты в дверь не пролезешь!

– А ты в ворота!

– [цензура] мать, где сварка?! – не выдержал Угрюмченко. И испуганно зажал рот рукой – как уже упоминалось, жена хозяина не выносила мата.

– А-а-а... – довольно заулыбались близнецы.

– Чур, договор, – прищурился пожилой механик. – Вы, черти, не говорите маме, что я вас учу всяким словам, а я не говорю папе, что вы мне ни хрена не помогаете. Идет?

Близнецы переглянулись и кивнули:

– Идет.

– Тогда ты принеси сварку, а ты держи фонарь.

Ремонт затянулся часа на три. Петрович в маске сварщика ползал на корточках, с трудом управляясь со сварочным аппаратом одной рукой. Вторую, неряшливо загипсованную, он прижимал к груди. Вадик держал баллон, а Гешка – фонарь. Причем как бы он его ни держал, механик все равно требовал не придуриваться и направить свет так, чтобы ему было удобно.

Хотя такая позиция попросту отсутствовала.

– Черти, скажите кэпу, чтоб не раскачивал посудину! – крикнул Угрюмченко из недр машинного отделения. Оттуда слышался шум сварки и летели искры. – Если у меня сейчас шланг дернется, совсем без рук останусь!

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – задумчиво спросил Гешка, глядя на генератор.

– Ага. Давай ему шланг тряхнем!

– Я вам тряхну! – приглушенно прокричал механик. – Не майтесь дурью, черти, лучше держите фонарь правильно! Одно вам дело доверил, и то не справляетесь! Вот я вашему папке скажу, он вам ремня-то всыпет!.. Ну все, вроде работает...

Лампочка в кают-компании наконец-то перестала моргать и засветила ровно. Колобков поднял голову и удовлетворенно хмыкнул:

– Да, рано еще электричество на свалку списывать... Матильда Афанасьевна, а в холодильнике пиво еще осталось?

– Осталось, – каким-то очень добрым голосом ответила теща. – Только недолго вам радоваться, Петр Иванович! Кончится скоро ваше пиво, а нового вы тут не купите!

– А-а! – тоненько взвизгнул Колобков при мысли о таком ужасе. Но тут же успокоился: – Вы меня зря не пугайте, Матильда Афанасьевна! Пива я в Лиссабоне на две недели взял, чтоб до самого Рио хватило. А мы сейчас старичков до дому подбросим, и обратно домой! С полным трюмом брильянтов! Будете себя хорошо вести, я и вам брильянтовый ошей... ожерелье подарю.

– Да я из ваших рук хлеба кусок в голодный год не возьму! – возмутилась теща. – Лучше помирать буду!

– Ой ли? – ехидно прищурился зять. – То-то вы, гляжу, прямо с голоду пухнете за мой счет-то. Или это вы на свою пенсию икорку черненькую сейчас трескаете?

Матильда Афанасьевна поперхнулась черной икрой, которую действительно наворачивала столовыми ложками, и свирепо уставилась на своего вечного врага. Тот ответил таким же взглядом. Их жена и дочь нерешительно переводила глаза с мужа на маму, размышляя, кого поддержать на этот раз. Обычно она старалась лавировать между противоборствующими стихиями, создавая у каждого иллюзию, что стоит именно на его стороне.

Однако на этот раз перебранка затухла в самом начале. Из ходовой рубки донесся крик штурмана:

– Земля!!!

Глава 6

– Это ваш остров? – прищурившись, спросил Колобков.

До эйкрийского утра оставалось еще часов шесть. Далеко впереди в луче мощного прожектора виднелась темная масса, круто поднимающаяся из воды. В бинокль можно было разглядеть торчащие на берегу кокосовые пальмы. А дальше вставала сплошная стена зелени.

– Лучше подождем утра, – предложил Фабьев. – В темноте я к берегу не пойду – черт его знает, где там идти. Может камни, может мели...

– Подождем, конечно, – согласился Колобков. – Где на якорь думаешь вставать, Василь Василич?

– Так сразу не решишь... – пожевал папироску штурман. – Но не здесь – смотри, какой тут берег крутой. Может, с другой стороны пристань получше будет? А, деды? Это же ваш остров, или нет?

– Остров? – удивился Мельхиор. – У нас есть остров?

– Кто из вас, молокососов, украл мою вставную челюсть?! – повысил голос Каспар.

– Зачем тебе вставная челюсть, у тебя же все зубы свои! – брюзгливо посмотрел на него Бальтазар.

– Ну и что? По-твоему, я не могу иметь вставную челюсть?! Я ей орехи колю! Кто ее взял?!

– Смотрите, я нашел картинку с нашим островом! – раскрыл книгу Мельхиор. – Точь-в-точь, правда?

– Это не остров, это сливовый пудинг, – фыркнул Бальтазар.

– Пудинг? Мы живем на пудинге? – удивился Каспар. – А почему никто мне об этом не говорил?

– Старый дурак! Вы оба старые идиоты! – разозлился Бальтазар. – Зачем я только с вами связался?! Вы же все время только путаетесь у меня под ногами! И уверен, хотите меня убить! Все хотят меня убить, все! Вот этот стол ведет себя очень подозрительно! И не смотри на меня так!

Колобков, Фабьев и Грюнлау устали на Бальтазара, орущего на них в чем не повинный столик, и одновременно вздохнули. От полоумных волшебников помощи ожидать не приходилось.

– Петер, ты не хочешь взять эти старый колдун с собой на Земля? – прошептал Грюнлау. – Я думаю, зоопарк Гагенбек их тоже принять с удовольствием.

До самого утра «Чайка» осторожно шла вокруг острова Волхвов, выбирая место, где лучше встать на якорь. Петрович возился с эхолотом, промеривая глубину. Пока что результаты не обнадеживали.

Постепенно воздух начал светлеть. Тепорий завершил очередной цикл и вновь засветился – сначала слабо, потом все ярче и ярче. Наступало эйкрийское утро.

И в бледном тепориевом свете «Чайка» начала входить в крохотную бухточку – пожалуй, единственное место на острове, где можно было спокойно встать на якорь. Подойти вплотную огромная яхта все равно не смогла – у самого берега начиналось мелководье. Осадка «Чайки» составляла четыре метра – не то чтобы очень много, но все-таки и не мало.

Машина работала на самом малом ходу. Гена с Валерой уже разматывали якорную цепь возле клюза⁴. Последний рывок, и вот великолепная яхта замерла неподвижно, а якорь зацепился лапами за грунт. Вадик с Гешкой под руководством Петровича спускали шлюпку.

⁴ Клюз – отверстие в передней палубе или справа в носовой части, сквозь которое проходит якорный канат или цепь.

– Серега! – ворвался в каюту смерчеподобный Петр Иванович. – Серега, офигенные новости!

– Что? – лениво ответил сисадмин, по-прежнему пялясь в монитор.

– Подошли к острову!

– И что?

– Я иду в поход!

– И что?

– И Гюнтер идет в поход!

– И что?

– И Гена с Валерой идут в поход!

– И что?

– И стариканы идут в поход!

– И что?

– И братва моя лихая идет в поход!

– И что?

– И ты идешь в поход!

– Вашу мать!!!

Колобков радостно захохотал, приказал не капризничать и убежал обратно – подгонять остальных.

– Никак не разберу – прилив сейчас или отлив? – припал тем временем к биноклю штурман. – Старею, видно – раньше всегда с первого взгляда определял...

– Дядя Вася, так здесь же ни солнца, ни луны нет, – напомнила Света. – А значит, и приливов с отливами не бывает. Папа, ты готов?

– Светулик, а это обязательно? – заныл Колобков, заметив в ее руках знакомую баночку. – У меня от этой дряни кожа зудит...

– Папа, в другом мире могут быть неизвестные бактерии, – строго напомнила Света, следя за тем, как вся семья мажется обеззараживающей мазью. – И насекомые. И хищники. Тебя и так чуть птеродактиль не сцапал.

– Ой, а дракончика покормили? – вспомнила Оля.

– Накормила я твоего динозавра, – проворчала Матильда Афанасьевна. – Ух и жрет же он! Почти все мясо для фарша сожрал...

– Как это?! – возмутился Колобков. – А что мы кушать-то будем?!

– А не знаю, – растянула губы в улыбке тещи. – Что найдете, то и кушайте.

Хорошо, что Петр Иванович не видел, как любимая мама его жены кормила с руки жуткого крылатого ящера и давала нюхать его, Колобкова, галстук, измазанный мясным соком.

Ей очень хотелось, чтобы «дракончик» завершил начатое.

– По-моему, мы тут уже бывали раньше, – посмотрел на берег Мельхиор. – Что это за место?

– Это ваш остров... надеюсь, – покосился на него Сергей. – Где ваш дом?

– Кажется, у нас была башня, – вспомнил Каспар. – Большая блестящая башня. В самом центре.

– Чепуха! Это все твои фантазии! Не было у нас никакой башни!

– Не смей говорить со мной в таком тоне, молокосос!.. хррр-пс-пс-пс...

– Гена, Валера, берите этого бородатого и грузите в шлюпку, – приказал Колобков, руководя высадкой. – Василь Василич, ты идешь?

– Лучше уж посторожу...

– Что так? Боишься? – хитро прищурился бизнесмен.

– Да чтоб я, морской офицер!.. и перся черт знает куда?! Не пойду, Иваныч, и не уговаривай.

В общем, на берег сошли не все. Остался Фабьев – сторожить драгоценную яхту. Остался временно нетрудоспособный Угрюмченко. Остались женщины, не пожелавшие бродить по джунглям. Осталась Оля, хотя как раз она очень просилась.

И Сергей тоже пытался остаться, но как раз ему не позволили. Его, как и телохранителей, и близнецов, навьючили брезентовыми мешками, предназначенными для складывания бриллиантов. Колобков твердо намеревался опустошить башню волшебников дочиста.

Островок попался не самый крупный, но и не самый мелкий. Почти круглой формы, километров пятнадцать в диаметре. И почти весь зарос тропическим лесом – лишь узенькая тропка, исчезающая в чаще, показывала, что люди здесь все-таки проживают. Хотя и всего-навсего трое.

– Я рассуждаю так, – задумчиво окинул взглядом зеленую стену Колобков. – Если эти три пенсионера живут тут совсем одни, значит, ничего опасного на острове не водится.

– Да, но они же волшебники, – напомнил Сергей.

– Гы-гы, Серега, ты сам-то понял, что сказал? – развеселился шеф. – Волшебники!.. фиговы!.. Помнишь, как этот узкоглазый сам себе брови сжег? Хотя репеллентом все равно помажешься на всякий случай – в лесу всякий гнус может быть, Светочка правильно говорит.

В магической книге Орто Матезис Сцентия все-таки нашлась подробная карта острова Волхвов, только вот искать ее пришлось очень долго. Когда этим фолиантом пытался воспользоваться кто-нибудь, кроме Мельхиора (или Стефании, явно знавшей какой-то секрет), все листы мгновенно становились чистыми. А сам старик никак не мог сообразить, чего от него хотят, и все время подсовывал картинку со сливовым пудингом. Увы, умы древних волхвов пришли в полную негодность, и теперь они могли сотворить какое-нибудь полезное чудо только по счастливой случайности.

Но в конце концов Сергей все-таки нашел подход к стариканам – он медленно и осторожно направлял их по нужному пути, пресекая все попытки уклониться в сторону. В конце концов, он уже много лет работал системным администратором, а программные оболочки порой ведут себя почти так же, как и эти старые маразматика. Чертанов накопил немалый опыт по борьбе с глюками, багами и червями.

Получив карту, Колобков тут же проложил маршрут. Он быстренько рассчитал время нахождения в пути, прикинул скорость передвижения, ориентируясь на самых слабых и медлительных – Сергея и Свету, и назначил один десятиминутный привал после сорока минут ходьбы.

Сначала Петр Иванович опасался, что ходячие развалины, именующие себя великими чародеями, рассыплются на полпути. Но, похоже, в стариканах все-таки теплились скрытые резервы – двигались они удивительно бодро, хотя время от времени и куролесили. То Каспар засыпал на ходу, то Бальтазар требовал немедленно объяснить, куда его ведут, то Мельхиор начинал гоняться за бабочками.

Потом они нашли какой-то странный папоротник и минут десять стояли перед ним, споря – рододендрон это или не рододендрон? Хотя даже столь далекий от ботаники человек, как Колобков, сразу же понял, что с рододендром эта флора ничего общего не имеет.

Русский и немецкий бизнесмены чувствовали себя превосходно. Оба облачились в тоненькие шортики, маечки и сандалеты – концентрация тепотрия на острове Волхвов изрядно превышала норму, так что стояла серьезная жара. Грюнлау напялил пробковый шлем и стал похож на британского колониста.

Зинаида Михайловна сначала требовала, чтобы муж тоже надел шляпу, иначе, мол, получит солнечный удар, но потом вспомнила, что на Эйкре этой опасности не существует, и успокоилась. Петр Иванович в молодости частенько ходил в походы и чувствовал себя в лесу, как дома. Даже таком непривычном.

У остальных дела тоже обстояли вполне нормально. Телохранители переоделись в легкие хлопчатобумажные куртки защитного цвета, и теперь Гена шел впереди, а Валера прикрывал группу сзади. Оба держали наготове девятимиллиметровые бельгийские браунинги, чутко реагируя на малейший шорох. Двадцать шесть патронов только и ждали момента, когда смогут поразить какую-нибудь движущуюся мишень.

– Уяк? – еле слышно подал голос Валера.

– О! У! – ответил Гена.

Если бы эти двое двигались без балласта в виде гражданских, то шли бы куда проворнее и незаметнее. И уж точно не стали бы идти по тропке, где их мог заметить кто угодно. Собственно, они и сейчас в основном бесшумно скользили сквозь заросли, прикрывая начальство.

В первую очередь, конечно, Колобкова.

Полной противоположностью опытным телохранителям были дети Колобкова. Вадик и Гешка гонялись друг за другом, пугали ярких птиц, постоянно толкали сестру, папу, дядю Сережу и дядю Гюнтера. Хорошо хоть, у них хватило ума не приставать к волшебникам – хоть и сумасшедшие, а мало ли что могут сотворить? Сумасшедший маг, пожалуй, даже опаснее нормального.

Света вела себя прилично, но Колобков все равно посматривал на нее с тревогой. Старшая дочь у него не отличалась железным здоровьем, часто болела и быстро уставала. Он вообще оставил бы ее на яхте, если бы она так не просилась.

Светлана Петровна, пожалуй, единственная не хотела побыстрее вернуться в родной мир. Уж она-то сразу смекнула, какие возможности здесь открываются для будущего ученого-естествоиспытателя (а другой карьеры для себя Светлана не мыслила). Другая вселенная, да еще такая необычная! Один только элемент тепорий, привезенный на Землю, может обеспечить Нобелевскую премию.

Если, конечно, сохранит там свои невероятные свойства...

А вот кто раскис почти сразу же, так это Чертанов. Его вся эта природа, дурацкий пеший туризм и прочая лабуда нисколько не радовали. Вернуться бы в родной офис, к любимым компьютерам, и пусть тогда система виснет, сколько влезет, а юзеры хором орут, что сисадмин тупой и его срочно надо уволить.

Не страшно!

– Привал! – наконец потребовал Колобков, когда отряд вышел на небольшую полянку. – Серега что-то совсем расклеился. Отдохнем минуток десять.

Чертанов тут же блаженно повалился на траву. Ему было жарко, он устал, натер ноги и с ужасом прислушивался к зудящим над головой комарам. Они пока что никого не тронули – только пищали и ярились. Похоже, противокомариная мазь, изобретенная в двадцатом веке, оказалась не по зубам этим порождениям другого мира.

– Серега, а ну встал! – пнул его в бок Колобков. – Не лежать, только хуже сделаешь!

– Петр Ива-а-аныч...

– Я, Серега, уже сорок шесть лет Петр Иванович. Говорят, не лежать! Гена, Валера, ну-ка, подняли его! И гонять пинками по поляне! Нельзя сразу ложиться, надо походить, расслабить ноги. А то потом не поднимешься. И ступни разотри чем-нибудь, а то волдыри будут.

Перекусить никто не взял – зачем, если часов через пять-шесть уже вернутся обратно на яхту? А вот попить, конечно, захватили – у всех, кроме Светы, на поясе висели фляжки. Колобков сделал большой глоток, плеснул немного в ладошку и смочил лысину.

– Хо-ро-шо! – встряхнулся он. – Благодать какая! Птички, цветочки!..

Один из самых крупных цветочков в этот момент как раз выстрелил стеблем и слопал маленькую птичку. Но этого никто не заметил.

– Серега, тебе что – плохо, что ли? – заботливо посмотрел на подчиненного Колобков.

– Мутит... – ответил позеленевший Чертанов. – Как я выпил эту гадость, так до сих пор внутри все вверх ногами...

– Хреново, – сочувственно кивнул Колобков. – Ты Свете скажи, пусть таблетку даст или ширнет чем-нибудь.

– Нету таких таблеток... и болезни такой нет... Старики говорят – скоро пройдет, но для них и сто лет – скоро...

– Ну тогда терпи. Зато прикинь, какой ты у меня теперь квалифицированный! Я тебя от этих компьютеров выгоню – будешь чисто переводчиком. Оклад повышу, не сомневайся. У меня вот с японцами сделка наклеивается – поработаешь! Гы-гы, Серега, да тебя теперь хоть к президенту в переводчики зачислай!

– Бу-э-э-э-э-э!!! – ответил Чертанов, выплескивая на траву завтрак. – Слабое утешение, Петр Иванович...

– А все потому, что ты такой дохлый, – наставительно заметил шеф. – Работник умственного труда! Вот на что ты тут пригоден? Был бы один, давно бы загнулся! Что значит – поколение техники! Небось, пока студентом был, от практики отмазывался? И в армии не был?

– Не был... – вздохнул Сергей. – У меня...

– ...желание откосить! – гыгкнул Колобков. – А вот я своих пацанов после института обязательно в армию загоню – нефиг у батьки на шее баловаться!

– Э-эй! – услышали Вадик с Гешкой.

– А вы как думали? Папа будет военкому иномарку подгонять, чтоб только двух оболтусов отмазать? Ничего, ничего, вам полезно будет! Может, даже до института отправлю, а не после – так что готовьтесь на всякий случай. Школы вам всего два класса осталось. Серега, ты как – дышишь пока?

– Ы-ххы...

– Это хорошо, – успокоился Колобков. – Гюнтер, ком цу мир, битте! Глянь, Серега – вот каким должен быть опытный турист.

– О да, я есть бывать в джунгли Амазонка, посещать африканский сафари, американский каньон и австралийский красный скала! – похвастался Грюнлау. – Если мы быть в мой вилла Мюнхен, я показывать все слайды!

– Ну и я тоже не лыком шит, – не пожелал отставать Колобков. – Был помоложе, каждое лето в поход ходил. Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих! Костры жгли, рыбу ловили, самогонку пи... хотя вот это пример плохой. Да и самогонка была дрянная – чисто сивуха. Но все равно – весело было! В «Зарницу» играли... щас-то, небось, и не помните, что это за зверь такой? А это круче любых плэйстэйшенов было! Все-таки зря пионерию отменили – нет теперь правильного воспитания, нету... Помню, работаю я на кране, смотрю – колонна пацанов с красными галстуками идет. Все в ногу, под барабан, один знаменем машет... Так сразу на душе тепло – подрастает смена! Теперь разве такое увидишь?.. Одни скинхеды...

– Только при коммунизме у вас такой яхты бы не было, – напомнил Сергей. – И виллы на Кипре, и счета в Швейцарском банке...

– Ну, Серега, ты меня на слове не лови, – запротестовал Колобков. – Я ж не говорю, что при Советах прямо-таки вообще все хорошо было. Но были ведь хорошие моменты! Страна спала спокойно, уверенность была в завтрашнем дне. Люди гордились, что в Союзе живут, а теперь все норовят за границу сбрызнуть... Может, мне бы и лучше было до сих пор на кране работать... – пригорюнился он. – А ты, Серега, спортом займись каким-нибудь – хоть немножко от тебя пользы будет.

– Петр Иванович, я системщик, – угрюмо покосился на него Чертанов. – Админ. И еще переводчик. Компьютеры и лингвистика – вот тут я кого угодно за пояс заткну. А больше мне ничего не надо. По-моему, главное – свое дело знать.

– Серега, ты не прав. Вот мы уже сегодня домой вернемся, это хорошо. А если б, тьфу-тьфу-тьфу, нельзя было вернуться? Если б мы тут надолго застряли? Кому тут твои компьютеры нужны?

– Зато языки...

– Э, э! Ты, Серега, не гони паровоз! Скажи спасибо ветеранам колдунского фронта, что они тебя волшебной настойкой напоили, и ты весь такой из себя продвинутый стал! А если б не напоили? Хрена тут пользы от твоих английских с немецкими? Вот ты в своем лингвистическом учился, учился, а толку?

– Петр Иванович, так вы ж тоже институт закончили, – напомнил Чертанов. – Строительный.

– Твоя правда, – хмыкнул шеф. – Один-один. Только ты свой ликбез с моим не равняй – у нас там строить учили, а не в компьютерах зрение портить. Я учился на тройки, я работал на стройке! А смотри – у меня на счету десять лимонов лежит, а ты в однокомнатной живешь, даже машины у тебя нет. А у меня «Майбах»! Видишь часы – «Улисс Нардин»! А у тебя фуфло барахольное – полгода проработает, и выкидывай! Два-один!

– Петр Иванович, так вы ж меня на восемнадцать лет старше. В моем возрасте вы сколько зарабатывали?

– Эх... – крикнул Колобков. – Гол! Два-два. Да, в... в восемьдесят восьмом я даже меньше зарабатывал... если валютный курс пересчитать, конечно. Ну так у тебя начальник добрый – радуйся! А зато я в двадцать восемь уже два года как женатый был! А ты до сих пор холостой ходишь – смотри, профукаешь всех барышень, поздно будет! У меня Зиночка и сейчас еще ого-го, а в те годы вообще огонь была! Мы ж с ней на одном факультете учились – на нее весь институт облизывался, во главе с преподавателями! А гуляла только со мной, во! А потом и замуж вышла. Три-два!

– Только к жене вы еще и Матильду Афанасьевну получили в довесок.

– Ух, Серега, это уже ниже пояса! – возмутился Колобков. – Да, Матильда – аргумент серьезный... Три-три.

– Пап, мы дальше идем, или как? – подошла Света. – А то старики уже разбредаются. И Вадика какой-то жук чуть не укусил.

– Ладно, Серега, ничья, – встал Колобков. – Светулик, кликни там Гену с Валерой – куда они исчезли?

– Никуда не исчезли, – встал из-за куста Гена.

– Тут мы, шеф, – показался из чащи Валера. – Что?

– Что значит профессионалы, – уважительно хмыкнул Колобков. – Гляди, Серега, вот Гена с Валерой точно тут не пропадут – видел, как они летучую мышь завалили? Боевики! Их хоть в Ирак, хоть в Индонезию, хоть к черту в зубы – я самых лучших себе нанял!

– Шеф, происшествий не было, – доложил Валера из чащи. – Только зверь какой-то пробегал – маленький, белый, пушистый.

– Пристрелил?

– Никак нет! Угрозы не представлял, в мясе не нуждаемся!

– Дурак ты, Валерка! Белый и пушистый зверь – это песец! Хорошо, что мимо пробежал, а если б прямо к нам пришел?!

– А что было бы? – удивилась Света.

– Светулик! Запомни – нет хуже, чем если песец пришел! Примета плохая и вообще...

Примета действительно оказалась плохая – с того конца поляны, где расположились волшебники, донесся шум и запах гари. Трое сумасшедших зачем-то вздумали развести костер, но вместо этого устроили настоящий лесной пожар. Заклинание подействовало не так, как они того хотели, но очень действенно. Саговые пальмы, преобладающие в этом районе острова, почти мгновенно превратились в огромные факелы.

– Вот он – песец! – возопил Колобков. – Деды, вы что – очумели?!
– Мы хотели развести костерок и погреться...
– И еще, возможно, вскипятить чайку.
– Хррр-пс-пс-пс...
– Погреться?! Да я употел, как в парной, а вам холодно?!
– Что?! Кто?! Откуда огонь?! Мне объяснит кто-нибудь, что происходит?! – проснулся от жара Каспар. – Я вас сейчас, молокососы!.. хррр-пс-пс-пс...

– Лучшее средство для тушения пожара... – открыл Орто Матезис Сцентию Мельхиор, – ...другой пожар, пущенный навстречу.

Бальтазар наморщил лоб и взмахнул руками. В другом конце поляны вспыхнуло еще несколько пальм.

– Теперь осталось только ждать, – удовлетворенно кивнул Мельхиор, усаживаясь прямо в огонь.

Языки пламени в мгновение ока объяли его с головы до ног, но старый йог только заулыбался, как будто уселся в теплую ванну. Юбка-передник, обладающая теми же магическими свойствами, что и ее хозяин, также осталась целой и невредимой.

– Светулик, прости, что я тебя с собой потащил, – прижал к себе дочь Колобков. – Пацаны, простите, что я вас выпорол за табеля...

– Пап, ты нас не порол... – удивился Гешка.

– А следовало.

Пожар рос все быстрее. Лесную поляну уже со всех сторон окружали ревушие стены пламени. Гена с Валерой пытались что-то сделать, но очень быстро поняли всю тщетность усилий. Здесь нужна была настоящая пожарная машина.

– Мы все умрем!!! – в панике завопил Чертанов, едва не кинувшись в огонь. Валера в последний момент поймал его за шиворот.

– Красиво... – задумчиво сказал Бальтазар. – Хорошо полыхает... Может, шашлычок поджарим?

– Поддерживаю! – крикнул из огня Мельхиор.

– А, что, где?! – завопил Каспар. Он проснулся от искры, залетевшей за шиворот. – Как вы смеете меня будить, паршивцы?! Я же весь день работал!

– Ты весь день спал, – брюзгливо напомнил Бальтазар.

– Но я очень устал спать, мне надо отдохнуть! Зачем вы развели такой большой огонь? Индейка пережарится! Прекратите немедленно! Я вас сейчас!.. вот вам!..

Каспар сдернул колпак и направил его на Бальтазара. Из головного убора вырвался мощный столб воды, снесший дряхлого китайца, как пушинку.

– Вот тебе!.. – крикнул Каспар, переводя импровизированный шланг на Мельхиора.

– Дай-ка кишку, дед! – потребовал Колобков, выхватывая у него колпак.

Петр Иванович ударил магической поливалкой по горящей пальме. К сожалению, он уступал Каспару в массе, да и волшебный колпак не желал повиноваться кому-то, кроме законного владельца. Поэтому Колобкова отбросило назад сильнейшей отдачей, а колпак начал биться, как пожарный шланг, включенный на полную мощность.

Но спустя какой-то миг его уже подхватили Гена с Валерой. Телохранители встали, как два атланта, удерживая шефа, который, в свою очередь, удерживал колпак Каспара. Водяной столб перемещался по кругу, огонь с шипением гас, исторгая в небеса паровые клубы. Через несколько минут от лесного пожара осталось только воспоминание.

Мокрый Бальтазар поднялся на ноги и подозрительно посмотрел на присутствующих, пытаясь вспомнить, кто его намочил. Он посмотрел на такого же промокшего Мельхиора, без малейшего смущения выжимающего юбку (нижнего белья под ней не было и в помине), перевел взгляд на совершенно сухого Каспара и недобро прищурился.

Глава 7

Отряд очень медленно приблизился к яме. Гена с Валерой тут же заняли охранные позиции по краям.

Судя по всему, когда-то здесь действительно находился фундамент некоего здания. Но сейчас он несомненно отсутствовал.

Как и все здание целиком.

Колобков растерянно наклонился, надеясь в глубине души, что обещанные бриллианты где-то там, внизу. Но увидел только ровный земляной слой. Несмотря на внушительную глубину, видно было очень хорошо – днем на Эйкре просто нет ничего темного. Даже в ямах и пещерах все прекрасно освещено.

– Может, местом ошиблись? – с надеждой спросил он. – Проверим-ка приметы...

– А-а-а, я помню это место... – приятно улыбнулся Мельхиор. – Кажется, мы тут живем...

– Только здесь что-то изменилось с последнего раза... – задумался Бальтазар. – По моему, этой дыры раньше не было...

– Но зато была башня, – кивнул Каспар. – Большая алмазная башня – я хорошо помню...

– Алмазная?! – подался вперед Колобков. – Так у вас не только в подвале алмазы были?!

– В подвале?.. – задумался Мельхиор. – Ах да, верно, мы сложили туда остатки строительных материалов...

– Хотя я предлагал их выкинуть! – ворчливо заявил Бальтазар. – Кому нужны эти блестящие камешки?

– Мне! – заявил Колобков. – Деды, где ваша башня?!

– А в самом деле, где наша... хррр-пс-пс-пс...

– Немедленно проснись! – прикрикнул на Каспара Бальтазар. – У нас пропала башня, а ты спишь!

– Спокойно, ветераны колдунского труда, сейчас разберемся, – выставил вперед руки Петр Иванович. – Наверняка существует какое-нибудь разумное объяснение...

– Да, она улетела.

– Нет, ее украли, говорю вам, украли!

– Да она просто стала невидимой – подойдите, потрогайте, она все еще тут!

– А по-моему, она провалилась сквозь землю.

Колобков с каменным лицом выслушал все мнения. Заслуживающим некоторого внимания ему показалось только самое последнее, высказанное Гешкой. Первые три, выданные волшебниками, прозвучали феноменально дико. Но он все-таки решил проверить и их.

– Она не невидима, – тут же отверг одну из версий он, просто протянув руку. – И, похоже, не провалилась... И уж точно не улетела!

– Почему?

– Потому что башни не летают.

– Ты еще скажи, что слоны не летают! – возмутился Мельхиор.

– И слоны тоже не летают.

– Скажи это тому слону, на котором мы испробовали заклинание Птичье Перо.

– Да, верно, хорошее было заклинание... – закивал Каспар. – Кажется, его изобрел великий Шэнь Цюань?

– Неправда, его изобрел я, а Шэнь Цюань его украл! – возмутился Бальтазар.

– Как он мог украсть его у тебя, если жил на тысячу лет раньше твоего рождения?

– Не знаю. Но украл. Эти мерзкие плагиаторы и не на такое способны. А почему ты его защищаешь? Ты с ним заодно?!

– Слушайте, а какого она была размера? – спросил Сергей, рассеянно вычисляя что-то в уме.

– Высота вдвое больше ширины, – ответил Бальтазар.

– Ну хоть что-то вы помните...

– Что? Помню? Что я помню?

– Тут около двадцати метров, – крикнула с другой стороны ямы Света, успевшая измерить ее шагами. – Значит, в высоту примерно сорок.

– Тогда и не украли... – вздохнул Колобков. – Кто мог украсть сорокаметровую башню?

– И зачем? – добавил Чертанов.

– Серега, ты двинулся? Зачем?! Сорокаметровая алмазная башня!!! Гхррррр... – приоткрыл рот Колобков.

– Я требую немедленно вернуть нам башню! – повысил голос Каспар.

Еще час назад три сумасшедших старца вообще не помнили, что у них есть такая драгоценность. Но теперь, увидев этот котлован, их высохшие мозги переклинило. У них украли дом! Какая наглость! Неважно, что они даже не помнят, как этот дом выглядел – ни один волшебник никогда и никому не спустит подобной обиды.

– Башню вам вернет только хороший психиатр... – почесал лысину Колобков, глядя на беснующихся стариков.

– Петр Иванович, а может ее правда украли? – шепнул Чертанов.

– Серега, иди на хрен. Ты с кем говоришь? Я десять лет крановщиком проработал! Вывернуть такую махину вместе с фундаментом и утащить так, чтобы и следов не осталось... Даже не слушаю.

– Но Копперфильд же со Статуей Свободы сумел? – напомнил Сергей.

– Копперфильд был фоку... погоди-ка, погоди-ка... Кажется, доходит... Думаешь, поработал кто-то вроде наших дедов?

– Ну да. Если уж они смогли спереть вашу яхту прямо с Атлантического океана, почему кому-то другому не спереть их башню?

– А ведь ты, может, и прав... – задумался Колобков. – Эй, братва лихая, хватит вола гонять, слазьте-ка на дно, пошуруйте там!

Вадик с Гешкой сначала хотели возмутиться папашей-деспотом, но потом сообразили, что ползать в огромной грязной яме будет весело. Гена с Валерой выломали тоненькую пальму и с помощью этой импровизированной жерди спустили близнецов на дно. Те тут же зарылись в землю, как кроты.

– Петер, а как же мы теперь есть попадать обратно Германия? – забеспокоился Гюнтер. – Фройляйн черт говорить, что без башня старый волшебник мы не вернуться!

– Не знаю, Гюнтер, даже не знаю...

Минут через пять Вадика и Гешку вытащили обратно. Чумазах, как поросят. Вадик разжал кулак и показал папе пять крохотных разноцветных камешков – два прозрачных, синезеленый, красный и радужный.

– Вот это необработанные алмазы, – тут же проявила свои геологические познания Света. – Это рубин. Это опал. А это, скорее всего, аквамарин...

– Значит, место то самое... – утратил последнюю хрупкую надежду Колобков. – А башни нет и в помине... Гешка, а ты чего-нибудь нашел?

Тот показал еще два камешка – зеленый и красный. Изумруд и гранат. А потом еще одну штуковину – перемазанные в земле бусы. Снизанные поочередно жемчужины двух размеров, а в самом центре кулон – залитое янтарем птичье перо.

– Это тоже ваше? – поднял к глазам украшение Колобков.

Старики равнодушно посмотрели на бусы – те не вызвали у них никаких эмоций. А все уже успели убедиться, что эти трое отличаются удивительной жадностью, когда дело касается их личного имущества...

– Кто что думает? – предложил высказываться Колобков.

Света попросила бусы посмотреть и старательно отчистила их от грязи. Жемчужины ярко заблестели в теплориевом свете, обволакивающим их со всех сторон.

– Пап, можно?..

– Носи на здоровье, – отмахнулся отец.

– Эй, это я нашел! – возмутился Гешка.

– Светулик, отдай брату бусы, – усмехнулся Колобков. – Пускай носит, если ориентацию сменил.

Вадик ехидно заржал, глядя на брата. А Гешка расширил глаза и распахнул рот от такого обидного навета. Больше он возвращения находки не требовал.

– Ну что, никто ничего не придумал?.. – тоскливо посмотрел на остальных Колобков. – Гюнтер?.. Серега?.. Светулик?.. Деды, может, хоть вы чего умное скажете?..

– А ты кто такой? – уставился на него Мельхиор.

– Э-э-э... по-моему, это кто-то из наших матросов... – предположил Бальтазар.

– Серега, вызывай подкрепление, – вздохнул Колобков. – Сами мы тут не разберемся...

– Кого вызывать? – не понял Чертанов.

– Девчонку ту рогатую! Ты свистульку не потерял?

– А-а-а! – обрадовался хорошей идее Сергей, дуя в свисток.

Он сделал огромную ошибку, не выбрав предварительно места получше. В момент свиста Сергей стоял лицом к котловану, причем всего в паре шагов от края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.